

Дельфинов ПТИЦЫ УХОДЯТ

Дельфинов

ПТИЦЫ УХОДЯТ

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ

ПТИЦЫ УХОДЯТ

Александр Дельфинов
ПТИЦЫ УХОДЯТ

© 2026 Alexander Delphinov

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means—electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise—without the prior written permission of the publisher.

Cover photograph by Audrius Balčėtis
Author portrait (front matter) by Roman Ekimov (PANDA Platforma)
Cover design © 2026 Virgola Press

First Edition
© 2026 Virgola Press

Published by Virgola Press, New York
www.virgolapress.com

ISBN: 978-1-968788-33-9

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ

ПТИЦЫ УХОДЯТ

60 поэтических текстов

VIRGOLA PRESS
New York

НЕИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Предисловие автора

Чудовищная ошибка

В июне 1993 года некий 22-летний Смирнов около 00:30 перешёл с зелёной на красную линию московского метро. Последний поезд повезло поймать. В вагоне почти никого. Плехнувшись на сиденье, он достал из рюкзака книгу «Догматическое богословие». Следует упомянуть: в тот период Смирнов интенсивно проживал так называемое «воцерковление»: вместе с несколькими друзьями — недавними неформалами, хиппи-панками-хулиганами, посещал храм РПЦ и внимал проповедям благообразного настоятеля, как должен голосовать истинно русский человек (за фашизоидных национал-шовинистов, предлагал пожилой священник), а также читал рекомендованную литературу. В руках у него — такая книга. В рюкзаке — ничего больше. Поезд громыхал, стремительно приближаясь к станции «Университет», где Смирнов намеревался выйти. Примерно на полпути он почувствовал на себе чей-то взгляд и заметил на противоположном сидении, чуть левее, двоих мужчин: один худосочный, в квадратных очках, с жидковатыми, свисающими усами. Второй поплотнее, толстощёкий. Вид у обоих несколько отталкивающий. Они хихикали, явно навеселе. Поезд затормозил, Смирнов сунул богословие в рюкзак, подошёл к дверям. Двери раскрылись, Смирнов шагнул на платформу... И в следующий миг его подхватили под руки и понесли! Как лиса понесла петушка-гребешка в старой сказке — за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы. Скользя над платформой, ошеломлённый Смирнов вертел головой. Давешние дядьки из вагона захватили его, словно куклу. «Прекратите! – воскликнул он. – Оста-

новитесь!» Они и правда остановились, поставили его на твёрдую поверхность. «Что вы делаете? – спросил Смирнов. – Кто вы?» «Лейтенант московского уголовного розыска Игнатов, – представился толстощёкий и показал удостоверение. – Предъявите ваши документы!» На лестнице показались менты. Заметив происходящее, прибавили ходу. «Ну, сейчас все разъяснится!» – подумал Смирнов, пожалуй, впервые в жизни радуясь милиционерам.

«Так, что здесь происходит?» – невозмутимо осведомился первый патрульный. «Произведено задержание подозреваемого!» – бойко отрапортовал вислоусый, после чего оба продемонстрировали подошедшим милиционерам идентичные красные книжечки. Те, внимательно изучив их, не нашли причин для беспокойства. «А куда тащите его?» – уточнил второй патрульный. «К вам! – ответил толстощёкий. – К вам и тащим! Разрешите воспользоваться помещением?» Документов у Смирнова не было. Воспользовавшись этим предложением, не совсем трезвые, но полностью уверенные в себе служивые предложили пройти в отделение милиции для проверки личности. Так в те годы часто бывало: тебя останавливали мужчины в униформе с оружием и «пробивали» — проверяли, кто ты есть на этой земле. Процедура не самая приятная, но в принципе безопасная. Смирнов, будучи уверен, что ничего криминального в данный момент не совершал (и при себе не имел), спокойно согласился туда пойти.

Отделение располагалось наверху — надо было подняться на эскалаторе, но не выйти на улицу, а зайти в коричневую, глухую дверь где-то там, где ты и не думаешь никакую дверь искать. Коридор внутри привёл в мрачное помещение с за решёченным окошком у самого потолка, под ним стол и два стула. Ещё в углу там была клетка со скамейкой, на которую могли рядом уместиться три-четыре задержанных. Сейчас

она пустовала. Толстощёкий указал Смирнову на стул, а сам вышел вместе с вислоусым.

Прошло неопределённое количество времени. Открылась дверь. Неприятненькая парочка зашла. «Что в рюкзаке?» – сухо спросил толстощёкий. «Только книга. Паспорт дома забыл», – Смирнов назвал имя и адрес. «Проверим, проверим, – толстощёкий поискал в своей папке, достал пару листков, выложил на стол. – Покажи книгу». Смирнов открыл рюкзак, вислоусый подскочил, сунул руку, пошарил. «Посиди-ка», – пробурчал толстощёкий. Оба вышли. Минут через 10-15 дверь снова открылась. Толстощёкий сел за стол, пошелестел бумажками. «Хули ты мне пиздишь, ссука?!» – неожиданно заорал он и ткнул Смирнову кулаком под глаз. Затылок стукнулся о стену, но не сильно. «Мы тебя взяли, ссука, понял, выхода нет у тебя, харэ пиздить! – толстощёкий навис над Смирновым. – Признавайся, бля! Всё мне скажи!!!»

Смирнов на время потерял дар речи. «В чём признаваться?» – испуганно выдавил из себя он. Толстощёкий выскочил из-за стола и с размаху снова съездил ему по физиономии: «Мы всё про тебя знаем! Хули ты квакаешь? Щас я тебя в камеру отправлю, к рецидивистам, там тебя опустят шесть человек зараз, понял, нет? Знаешь, как в камере опускают таких пидарасов, как ты?! Говори, мудило!! Говори, бля!!!» Смирнов ощутил, что вся реальность куда-то поплыла: «Что говорить?!» Толстощёкий сменил маску разъярённого зверя на деловитого бюрократа, вернулся за стол, подсунул листок с чьим-то портретом. «Думал, мы тебя не искали? Думал, мы тебя не узнаем? Вот твой фоторобот, составленный нашими специалистами по свидетельским показаниям. Все оперативники города снабжены всей необходимой розыскной информацией на тебя, ублюдок. Ты обложен со всех сторон, понял? Выхода у тебя нет, надо всё рассказать мне, – его голос стал почти лас-

ковым. – Пришло время раскалываться, Лобастый, такая ведь у тебя кликуха, я прав?» С рисунка на Смирнова смотрело скуластое лицо незнакомого бритого наголо мужчины с высоким лбом. Таких показывают в криминальной хронике по ТВ или развешивают на стендах «Их разыскивает милиция». «Но... Это же совсем не я!» – Смирнов судорожно поперхнулся воздухом. «Ах ты ссука! – толстощёкий опять сунул ему в рожу. – Да я тебя растопчу, гандон конченный! Говори, где кенты твои? Хаза ваша где?» Смирнов вцепился дрожащими руками в свой рюкзак, из глаз едва не брызнули слёзы. Толстощёкий резко встал и вышел, а через секунду явился вислоусый и зашептал: «Понимаешь, я следак, а он опер, у него власть, он с тобой что хочет может сделать. Постановление подпишет, и тебя в камеру определяют на трое суток! А там береги очко! Я следак, я тебя защитить не могу, потому что он – опер. Но ты же не хочешь в камеру, правда? Вот и подпиши ему всё, что он просит, расскажи правду, Лобастый!» «Произошла какая-то чудовищная ошибка, – зашептал Смирнов в ответ. – Я не Лобастый! Я тут живу по соседству». Вислоусый сокрушённо покачал головой: «Очень ты меня огорчаешь». И удалился. Затем в помещение с явным недоумением вступил один из станционных милиционеров: «Слышь, парень, а чего они от тебя хотят-то?» «Сам не пойму! – Смирнов чуть не зарыдал. – Я ничего такого не дел...» Дверь распахнулась, ворвался толстощёкий. «А ну вон отсюда!» – приказал он. Проявившего сочувствие милиционера вынесло, как сухой лист.

Bad cop, good cop

Отвлечёмся ненадолго от злосчастного Смирнова, перенесёмся на 33 года позже в Берлин, где поэт Дельфинов мучается, сочиняя предисловие к поэтической книге, чтобы хоть как-то разъяснить читающим, да и себе, зачем он собственно гонит

всю эту стихотворную волну. Поясним: Смирнов — это настоящая фамилия поэта Дельфинова по паспорту, но в то же время настоящая фамилия именно поэта — Дельфинов, а Смирнов в данном контексте — постоянный персонаж его сочинений (о тайне множественных фамилий автора, кому интересно, в книге «Смирнов пытается вспомнить» – Издательство книжного магазина «Бабель». Тель-Авив, 2023). Отличить автора от героя — задача не только для литературоведа, но и для вас. Иногда автор и герой смешиваются, иногда они совершенно разные. Тут возникает ещё один интересный вопрос. Выше сказано: «Отвлечёмся... Перенесёмся...» Это множественное число — от некой литературно мотивированной диссоциации личности? Или наоборот: автор и герой сливаются в бульон коммуникативного «мы» — вместе с вами? Издалека, как сквозь вату, доносятся чьи-то крики: «Что, ссука, думал, с тобой тут шутят? Я тебя насквозь вижу, наркоман! Ты ж на черняшке торчишь, Лобастый, у тебя на роже написано. Откуда черняшку берешь? Адрес барыги диктуй!» Похоже, нам пора вернуться в отделение транспортной милиции на метро «Университет», временно превратившееся в точную камеру.

Смирнова трясло. Мозг скрежетал. Ныла подбитая скула. С противной ему самому заискивающей вежливостью он произнёс: «Что вы, что вы, я не торчу, я только траву пробовал...» Толстощёкий выхватил ручку: «Когда пробовал? С кем? Имя, фамилия, адрес? Диктуй, Лобастый!» Смирнов попытался исправить положение: «Да я этих людей не знал... Возле рынка случайно познакомились... э-э-э... года два назад...» («Каких ещё этих людей? – одновременно думал он. – Что я несу?!») «Хули ты пиздишь? – орал толстощёкий, тыкая Смирнова кулаком. – Где травку берёшь?» Смирнов потерялся во времени и пространстве. Опер бил его, визжал, что он — Лобастый, наркоман и преступник, и ему конец, в который

раз пихал под нос чужой фоторобот, внезапно менял тон и нарочито спокойно, глядя куда-то в бумаги, шептал про «сдай барыгу» или «где ваша хаза». Приходил вислоусый, пугал, уговаривал, уходил. Они тупо обрабатывали Смирнова по классической схеме bad cop, good cop. И миг настал, когда Смирнов сломался.

Что-то бурлило в голове. Сердце стучало. Где-то под рёбрами раскрылась дыра, в неё сквозило. Смирнова охватило странное психоактивное состояние, вся его реальная жизнь с друзьями, родственниками, какими-то делами, музыкой и стихами, куда-то отодвинулась, потеряла плотность, а единственно реальным была эта тесная комната с попеременными выходами толстощёкого и вислоусого. Сопротивляться не было сил. Смирнов был готов начать диктовку реальных телефонных номеров, сдавая всех и каждого, у кого хотя бы раз видел в пальцах зажатый косяк. Или даже не видел, не важно: он бы сказал, что видел! Он бы подписал любой протокол! Казалось, моча сейчас брызнет в штаны. Брюхо вибрировало и сокращалось, перед глазами мутились мультяшки, пот сочился по лицу. И в тот самый миг, когда предательское признание во всех необходимых грехах чуть не сорвалось с губ Смирнова, луноподобный мордорот толстощёкого приблизился вплотную, обдав смесью перегара и пота, и опер процедил: «Посиди-ка, подумай, я пока покурю. Докурю, мы это дело закончим! Заебал ты меня уже», – и вышел. Смирнов осторожно ощупал лицо. Толстощёкий работал умело — ни нос, ни губы не разбиты. Собственно, он не столько бил, сколько пугал, ведь если бы захотел, мог и череп расколоть. Помощи ждать неоткуда! Смирнов в отчаянии сполз со стула и упал на колени: «Господи, сделай так, чтобы я вышел отсюда! – взмолился он вполголоса. – Прости прегрешения мои! Пожалуйста, помоги рабу твоему. Спаси меня, Господи!»

Скрипнула дверь. Смирнов еле успел скакнуть назад на стул. Толстощёкий покосился с подозрением, уселся за стол, нахмурился: «Ну что, Лобастый?» Страх исчез. Дыхание успокоилось. «Главное — выйти отсюда, — подумал Смирнов. — У них ничего на меня нет и не может быть, они меня видят впервые, всё это спектакль, поддаваться нельзя, надо выкручиваться!» Потупив глаза, теребя ручку рюкзака, он забормotal: «Слушайте, товарищ лейтенант, понимаю, вы выполняете свой долг по защите населения от преступности, и я на вас ни капельки не обижаюсь за то, что вы меня ударили...» «Так, так», — подобрел толстощёкий. «Но и вы послушайте, я же совершенно не Лобастый! Поэтому не знаю, в чём мне признаваться. Как же нам решить возникшую ситуацию?» Толстощёкий прищурился, облизнул нижнюю губу: «Слушай, ты, бля, ни хуя не Лобастый, кто б сомневался, но ты очень похож на Лобастого, вы просто как близнецы!» Смирнов снова глянул на фоторобот: широкие скулы, лобище с залысынами, неожиданно маленький подбородок... Ага, похожи. Как весло на ведро. «Хочешь помочь уголовному розыску и Родине в борьбе с оргпреступностью?» — проникновенно спросил опер. «Конечно, как любой честный гражданин, хочу помочь Родине!» — Смирнов с чувством глянул толстощёкому в глаза. «Ну и чудненько! — опер удовлетворенно откинулся на спинку стула. — А я сразу понял, что ты нормальный парень! Взгляд у тебя честный, понял? Не наркоман какой-нибудь. Короче, слушай. Мы тебя внедрим в банду!»

«Что?!» — такого поворота Смирнов никак не ожидал. «Да ты не ссы! У бандитов намечается сходка. Но Лобастый уже у нас сидит, понял? И вместо Лобастого на неё пойдешь ты! Мы тебя научим, что говорить надо. С тобой поработают наши психологи. Подстрижём тебя. В спортзале подкачаем! Гы-гы-гы! — глумился толстощёкий — Будешь под нашим полным прикрытием, как Шарапов в «Место встречи изменить

нельзя», понял? Хочешь быть как Шарапов?» Смирнов уже адаптировался под новый гон и рьяно закивал: «Конечно, как любой честный гражданин, хочу быть как Шарапов! Только боюсь, не справлюсь, ведь это ответственность какая!» «Справишься, не ссы, ты же умный парень? – Толстощёкий положил перед ним лист бумаги и ручку, протянул пачку «Мальборо». – Курить хочешь?» «Спасибо, не хочу. А что писать?» «Пиши: заявление...»

Смирнов чуть помедлил и размашисто вывел крупными буквами: «ЗАЯВЛЕНИЕ». «Начальнику московского уголовного розыска...» – диктовал толстощёкий. «Надо писать с ошибками, коряво, изменяя почерк, – подумал Смирнов. – Если что, потом скажу — у меня в школе пятёрка по литературе, стал бы писать с ошибками, если бы меня не принудили?» «НАЧАЛЬНЕКУ УГАЛОВНАГО РОЗЫСКУ», – написал он. «Прошу зачислить меня...» «ПРАШУ ЗАЧИСЛИТЬ МИНЯ В ШТАД СИКРЕТНЫМ САТРУДНИКОМ ДЛЯ БАРЬБЫ С АРГАНИЗОВАННОЙ ПРИСТУПНАСТЬЮ ПАД ПСИВДАНИМАМ...». «Ливанов или Леванов?» – переспросил Смирнов. «Леванов», – уточнил опер. «ПАД ПСИВДАНИМАМ ЛЕВАНОВ. ПРАШУ МАИ ДАННЫЕ И ДАННЫЕ МАИХ РОСТВЕНИКАФ ЗАСИКРЕТИТЬ». Число. Подпись. Смирнов пододвинул лист толстощёкому, тот пробежал текст глазами и вышел. Вскоре он вернулся вместе с вислоусым, оба довольные. За их спинами маячил давешний милиционер. «Молодец! Будешь героем!» – похвалил вислоусый, а толстощёкий начеркал что-то на клочке от сигаретной пачки. «Держи номерок! Завтра в десять ноль ноль позвонишь мне, – сказал он. – Я скажу, куда подъехать. А не позвонишь, учти: из-под земли достану мёртвым и опять живым зарюю, понял?» Смирнов кивнул, и они покинули пыточную.

На улице было свежо, недавно прошёл дождь. Электронный хронометр над входом в наземный вестибюль станции мерцал: 4:45. Экзекуция продолжалась чуть больше трёх с половиной часов. Не так уж и долго. «Сам до дома доберёшься или проводить?» – заботливо поинтересовался вислоусый. Толстощёкий протянул руку на прощание. Расстались, как добрые коллеги по любимой работе. Когда Смирнов шагал по пустой улице в сторону дому, челюсть ныла, под глазом свербило, но он снова был свободен.

Институциональное насилие

В воображаемом зале поднимает руку воображаемый некто и спрашивает: «Александр, мы тут собрались ради поэзии, уважаемой, а вы нам про каких-то пьяных оперов... К чему это всё?» Действительно, о чём свидетельствует опыт подобного задержания? Помимо того, что, говоря суконным языком, налицо полицейский произвол, нарушение гражданских прав и просто напросто пытки. И какое всё это имеет отношение к поэтической практике?

Пытаясь ответить на такой вопрос, автор ощущает, словно ему приходится продираться сквозь сгущающееся мысленное желе. Возникает противодействие материала. Нечто невысказанное, но существенное, так и хочет остаться невысказанным (но существенным). Кажется, это не уникальное ощущение — вероятно, люди, испытавшие сходный опыт, так или иначе поймут, о чём тут речь, но надо попытаться сформулировать, оформить предполагаемое междустрочье.

Попытаюсь использовать максимально простые выражения. Но всё же придётся дать общий контекст. Я родился в 1971 году в Москве, прожил там, если не считать относительно коротких, не более чем на полгода, отъездов, до 2001 года, а по-

том, хотя не планировал, перебрался в Берлин, где на момент написания этих слов прожил почти 25 лет. На протяжении этого времени я многократно посещал Москву и другие города СССР/РФ, в том числе выступая там с активистскими воркшопами и поэтическими концертами (до ноября 2021-го, а теперь путь туда мне закрыт, может быть, навсегда). Уже в ранней юности, в школьные времена, я ощутил склонность к альтернативным, неформальным культурным течениям, а когда познакомился с традицией советских диссидентов, почувствовал её близость. Старшие классы школы пришлись на конец 1980-х — последние совковые годы, всё вокруг задвигалось, замерцало. Будто подходишь к обычной, слегка потрескавшейся серой стене, трогаешь её пальцем — краска осыпается, и проступает древняя мозаика, многоцветная и ранее запретная. Или даже что-то вообще инопланетное, дышащее. Стена оживает. Увы, это было во многом ложное ощущение — просто упали цензурные ограничения, и перед глазами у нас, ощутимо сбитых с толку, расцветала убитая культура. Как будто встречая тех, кто вышел из дома только вчера, читали мы тексты умерших в лагерях, расстрелянных и пропавших без вести. Разбившаяся о стальной берег волна столетней давности вновь поднялась. Ей предстояло вновь разбиться, но тогда казалось, что убивать больше не будут. Иллюзия, ведь ничего не прекращалось даже тогда, просто система на время ослабла, хотя, вероятно, на рубеже 80-90-х и был шанс её полностью снести и начать нечто новое... Если шанс и был, мы его упустили, словно попав в четырёхмерную имитацию лучшей жизни, отчасти копирующую западные 1960-е — у нас был свой Вудсток, своя психоделическая революция, своя свободная любовь.

Существует жутковатый парадокс восприятия: если ребёнок оказывается в ненормальной ситуации, например, становится жертвой продолжительного абьюза, сам не осознаёт этого,

потому что не с чем сравнить — у него нет в опыте жизни без абьюза. Стрдание становится нормой. В этом нет ничего здорового, но так это работает. Кроме того, ребёнок не может высказаться — у него нет необходимого понятийного аппарата, нет языка, на котором объяснять свои чувства. Если родители вместо любви обрушивают на ребёнка насилие — он испытывает мучения, но подойди незнакомый взрослый и спроси: «Как у тебя дела?», с наибольшей вероятностью дитя ответит: «Нормально». Ужасные чувства могут потом сопровождать уже выросшего человека всю жизнь, он даже не будет понимать, что происходит. И вполне возможно, просто забудет, что с ним когда-то происходило. А теперь представим, что «ребёнок» — это моё поколение, юность и взросление которого пришлось на окончание советской истории, а «родители» — это страна, где мы родились, и государство, гражданами которого стали по рождению. Родина и отечество. Наши абьюзеры.

Выше не просто реалистично описан эпизод полицейского насилия в метро — он и был реален. Я впервые письменно описал его на следующее утро — в жалобе в прокуратуру на незаконные действия милиции. Потом вновь вернулся к этому сюжету где-то в 2005 году, уже в литературном формате — для так и не изданной повести о жизни неформальных музыкантов из реггей-движения. И на протяжении последующих лет не раз возникал сей сюжет — так или иначе проявлялся во множестве стихотворных текстов (я их пишу осознанно с 1989 года, где-то с 2013-го — нахожусь в интенсивном потоке, в самое последнее время осмысляю, «а что же это было», пробую осознать, где оказался и кем в результате стал, ибо так же, как я писал стихи, так и стихи писали меня). В 2026 году пора наконец понять, с чем же на самом деле я — или персонаж поэта Дельфинова по фамилии Смирнов — столк-

нулся более трёх десятилетий назад на ночной подземной платформе.

Ребёнку требуется вырасти, прожить несколько десятилетий в круговороте эмоций и состояний, прежде чем настанет пора вспомнить, что происходило когда-то в прошлом, переоценить события и себя, по-новому увидеть историю, изменить нарратив, проанализировать свои действия, возможно, заметить саморазрушительный паттерн, вынесенный из травматического опыта, вытесненного из активной памяти. Так и мне потребовалось уехать в другую страну, выучить другие языки, познакомиться с принципиально другим социальным опытом, вступить в новые конфликты и разобраться с ними, прежде чем возникла достаточная дистанция, чтобы я мог оглянуться назад и увидеть себя как личность, сформированную ничем иным, как системой институционального насилия, тотально главенствующей на территории, известной как Россия. Где рос и я.

Жалоба или жизнь

«Где ты был?» – спросила Смирнова его подруга Н., проснувшаяся, когда он вошёл в квартиру и снимал в коридоре обувь. «Меня незаконно задержали пьяные сотрудники уголовного розыска в метро, – произнёс Смирнов, стараясь выглядеть спокойным, хотя его так и качало. – Они меня били и требовали, чтобы я написал заявление». «Какое ещё заявление?» «Сделать секретным сотрудником... Понимаю, звучит абсурдно, но... – он вытащил из кармана клочок сигаретной пачки с номером телефона. – Завтра, то есть уже сегодня, я должен позвонить по этому номеру, видишь?» Она взяла клочок с номером, посмотрела: «Думаю, завтра тебе не надо куда звонить, а надо идти в прокуратуру и подавать жалобу! А сейчас выпей валерьянки и ложись спать».

Около 11 утра они вошли в районное управление прокуратуры города Москвы. Сначала долго ждали — никто не знал, куда их послать. Наконец, их послали. В казённом кабинете обнаружили две безвозрастные тётки, которые пили чай с кексами. Им явно помешали. Усевшись на стул, Смирнов принялся излагать свою историю. По мере рассказа интерес тёток повысился настолько, что они забыли про кексы. В финале одна спросила: «А номер телефона у вас сохранился?» Смирнов продемонстрировал свой клочок. «Хм, действительно, номер уголовного розыска!» Сотрудница прокуратуры крутанула диск телефона. Подождала. Положила трубку на рычаг. «Нет, никто не отвечает. Они, наверное, на дежурстве все. А вообще вам не к нам надо идти. Вам в ГУВД».

Из ГУВД их перенаправили в транспортную прокуратуру. Потный толстячок в голубой рубашке с погонями бубнил, пока записывал адрес: «Вас ведь задержали в метро, стало быть, на транспорте, а согласно закона о прокуратуре Российской Федерации, надзор за соблюдением конституции и исполнением законов осуществляют прокуроры соответствующих отраслей. Стало быть, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в пределах транспортных систем осуществляет транспортный прокурор...» На улице в идущих навстречу прохожих Смирнову чудились вислоусый и толстощёкий. Около года они будут мерещиться ему повсюду. «История совершенно невероятная! Поэтому берите лист бумаги и пишите жалобу», – сказала зампрокурора — стройная дама лет сорока, сидевшая за массивным столом. На ней было чёрное платье без рукавов, на шее тускло сверкнула тонкая золотая цепочка с неожиданным кулоном: радужная голограмма Будды в круглом золотом ободке. «Как я поняла, у вас

претензий к собственно сотрудникам транспортной милиции нет? – спросила она. – Тогда так и напишите: к сотрудникам транспортной милиции претензий не имею». Примерно через полгода пришёл ответ от транспортного прокурора: «Ваша жалоба направлена в Московский уголовный розыск». Ещё через полгода пришёл ответ оттуда: «После проведённой проверки указанные в жалобе факты не нашли подтверждения».

В слове «жалоба» слышится нечто жалостливое, мол, пожалейте меня, несчастного. Жалобу начальству подают снизу вверх, унижительно-просительно. В этом бюрократическом жесте в рамках российской правовой системы нет настойчивого требования об уважении твоих прав — ты словно просишь оказать милость, отдавая полное право решать твою судьбу властьпредержащим. Любой институт или представитель*ница российской (как в прошлом советской или царской) власти, будь то МУР, врач в поликлинике, большой начальник или случайный чиновник, по умолчанию занимают авторитарную позицию, склонную к произволу. Безличная бумажная волокита в ответ на прямое физическое насилие лишает жалующихся субъектности, атомизирует и деполитизирует. При этом само насилие остаётся в центре жизненных обстоятельств, не вытесняемое никаким ритуальным жестом — в этих условиях действенным ответом оказывается потенциальное ответное насилие. Так возникает замкнутый круг, замутняющий сознание и лишаящий смысла понятие «личная свобода». Человеческая личность, а значит, и жизнь в такой системе оказывается ничего не стоящей.

Индивидуальная стратегия сопротивления

Мнение автора этих строк таково: мы все, кто родился в бывшем Советском Союзе, в Российской Федерации, в этом конгломерате территорий, подавленных Московским центром,

хотя по сути представляющим множество отдельных стран и культур, мы все воспитывались, вырастали и формировались как личности в системе институционального насилия и социальной атомизации. Каждый и каждая из нас так или иначе адаптировался к этой реальности. Большинство просто подстраивалось ради выживания — по принципу, близкому к формуле «умри сегодня ты, а я завтра». Но всегда существовало и я бы даже сказал самозарождалось вновь и вновь несмотря ни на что и меньшинство — люди, осознающие происходящее, анализирующие реальность критически и трезво.

Альтернативная культура на русском языке, к которой я себя отношу, всегда создавалась этим меньшинством. В этих (контр)культурных движениях вновь и вновь оживали идеалы человечности и любви, сопереживания и сострадания, взаимоподдержки и творчества. Правильнее будет сказать, что это не гомогенное меньшинство, а некий круговорот меньшинств, в пределе — круговорот взаимосвязанных индивидуальностей, то, что можно было бы в современной терминологии называть «гражданским обществом», если бы это словосочетание уже не было столь затёртым и дискредитировавшим себя. Но не думайте, что я говорю о меньшинстве в белых одеждах — нет, увы, так или иначе болезни этой системы отражаются на всех, в том числе и на тех, кто выступает против системы или критикует её.

Не мною подмечено, что сопротивление советских диссидентов, хотя и называло себя демократическим движением, было скорее движением ярких одиночек — инакомыслящих индивидуумов, при встрече с другими инакомыслящими более или менее готовыми принимать отличное от своего мнение. Возможно, одна из причин, почему диссидентское движение не смогло создать политическую партию, способную конкури-

ровать за власть, заключалась именно в этом: социальная атомизация вполне поразила и эту группу людей, однако их способность критически осмыслять действительность была выше среднего, поэтому они смогли создать, например, «Хронику текущих событий», фиксирующую массивную бесчеловечность советского режима, организовать мирное гражданское сопротивление произволу властей, и были способны на различные смелые акты протеста — демонстрации, коллективные письма, обращения к западным журналистам, голодовки в тюрьмах и лагерях. Но сформированные в системе институционального насилия, не были в полной мере эмансипированы от него и они.

Имею смелость предположить, что по психологическому типу я близок к таким людям: диссидентам, инакомыслящим, протестующим, старающимся критически осмыслять реальность. Советский Союз исчез, и я оказался в новом мире, но если вообразить, что СССР сохранился бы, уверен, что неумолимая логика развития привела бы меня к столкновению с той системой. Собственно, она привела меня к столкновению и с нынешней российской системой — после 30 лет неудачного постсоветского транзита пришедшей не к демократическому правовому государству, а к постмодерной чекистской диктатуре, сочетающей имперские, советские и национал-шовинистические нарративы в карнавализирующем водовороте, когда теряют смысл понятные нравственные ориентиры, а на историческую сцену выходит кривляющийся безликий палач.

Описанный случай со Смирновым в метро — это не какой-то сбой, исключение из правила, печальное недоразумение. Нет, это и есть правило. Это — обнажённый приём механизма социального управления в этой государственной машине. Такой или схожий опыт имеют многие мужчины и женщины с тех территорий. Причём позиция условных толстощёкого и ви-

слоусого не менее важна, чем их жертвы. И как это ни покажется удивительным, позиции могут легко поменяться. Смирнова (Дельфинова) этот случай научил кое-чему. Во-первых, как быстро самые простые пытки могут поставить человека на позицию «сдачи советского интеллигента», на позицию предательства, оговора и лжесвидетельства. Смирнову просто повезло, что он никого не сдал — его палачи случайно не заметили, что добились цели, и прекратили мучения ровно в тот момент, когда могли окончательно его дожать. Во-вторых, даже в самом безнадежном положении всё-таки можно остаться самим собой — поможет ли тебе Иисус, иное метафизическое или психоактивное подкрепление, не важно, хотя опыт насилия остаётся сугубо, вполне согласно с Шаламовым, отрицательным, ты всё же можешь (если повезёт) спастись. В-третьих, если ты спасся — возможно, твоё предназначение свидетельствовать о происходящем. Создавая хотя бы небольшое пространство мирного порядка в бушующем хаосе.

Поскольку я отношу себя к сообществу нейроотличных людей и представляю его как литератор (есть ещё такое слово «психоактивист», но я в данной области практически не делаю ничего сейчас), меня нередко спрашивали, не стала ли поэзия для меня своего рода терапией? Казалось бы, ответ «да» напрашивается сам собой, но я всегда чувствовал, что он не точен. Я отвечал: «Нет, поэзия — это мой симптом!» Сейчас я понимаю: это моя индивидуальная стратегия сопротивления, интуитивно найденная и не потерянная несмотря ни на что. Так или иначе, я непрерывно и вдумчиво занимаюсь этой практикой более 30 лет. Я выработал свой стиль, сочетающий нарративность и перформативность, восходящий к концептуализму и тому, что в начале XX века называли авангардом. Нередко я использую слова, которые раньше считались непечатными, но для моего поэтического стиля они бывают необ-

ходимы. Моя постпанк-поэзия собрана как мозаика из обычного языка советских улиц, на которых я рос, из тех книг, что прочитал запоем и бессистемно, из школы, законченной со справкой от психиатра по совету умной учительницы, из прохладного песка у холодного моря, из горячих губ ускользающей нежности. С вашего позволения, то, чем я занимаюсь — это неизящная словесность. Но она суть Звук, Слово и Мощь.

И на этом можно было бы закончить уже расплывающееся из-под печатающих пальцев предисловие, но есть ещё одна тема, которую я обязан затронуть.

And now for something completely different: про название книги

В последнее время я ощущаю изменения в отношении того, что называю «поэтической практикой». Определённые вещи сказаны, их можно повторить, возможно, их нужно повторить, но повторение — это повторение, с ним работаешь не так, как — условно — с новым высказыванием. Но повторение важно и для автора, и для тех, кто читает. Я написал много текстов, большая часть похуже, какая-то получше. Тексты можно переписывать, переделывать, перетасовывать — по крайней мере до тех пор, пока автор жив. (Хотя автор не против, если его тексты будут переписывать и менять другие люди, например, взяв их для спектакля или песни.) Я весьма пессимистичен в отношении того, насколько тексты могут менять реальность. Антивоенное стихотворение — может ли остановить войну? Стихотворение, бичующее тирана — делает ли реальному тирану по-настоящему больно? В любом случае, использование платформы соцсетей для открытой поэтической лаборатории, как я это делал в последние годы, отчасти теряет смысл и прагматическое значение. Какова может быть новая арт-стратегия? Не знаю. Она познаётся в процессе. В потоке.

Предложение опубликовать книгу стихов пришло ко мне через один из чатов практически в тот момент, когда я сидел и думал, вот, в 2025 году у меня вышло аж две книги, а предложит ли мне кто-то издать что-то в 2026 году? Предложение пришло, а я подумал: хорошо, но что это будет за вещь? Дело в том, что с 2000 года, когда панк-методом D.I.Y. была выпущена моя первая книга «Весёлые нечеловечки» (без издательства, за счёт собранных у друзей средств отпечатана в обход чеков и договоров в типографии одной из полуживых московских фабрик на старой советской бумаге, найденной в той же типографии в том количестве, чтобы точно хватило на 1000 экземпляров), у поэта Дельфинова — это я! — вышло в целом 17 книг. Или 18. Или уже 19? Я всегда сбиваюсь со счёта. Одна из книжек под названием «Шкаф» в 2015 году была напечатана тиражом 40 экземпляров, потому что издатель разорился перед самой отправкой книги в типографию, но скрыл сей немаловажный факт от меня и для уже назначенной презентации в Санкт-Петербурге и Москве выдал мини-тираж с помощью копировальной машины. С обложкой на пружине, зато цветной! И с опечаткой в названии из-за слетевшего шрифта. Считать ли эту книгу в числе изданных? У меня у самого не сохранилось ни одной штуки. В любом случае, можно считать, что издание, которое вы сейчас читаете, подводит некие итоги. Я так чувствую, и мне это нравится. Книга структурирована моим излюбленным способом: все тексты поделены на несколько глав по принципу условного тематического пересечения; имеются вступления/завершения. Хотя были книги, организованные иначе, структурный принцип, использованный сейчас, наиболее близок автору. Он что-то выражает. Он имеет некое значение. Возможно, подумал я, он выражает интуитивное авторское ощущение, что все книги, изданные на бумаге, на самом деле представляют своеобразные оффлайн-интерфейсы для виртуальной

«метакниги», которая пишется на протяжении жизни и без-
объектно пребывает за гранью читательского восприятия.
Именно поэтому рекомендую читать, открывая в случайном
месте. Хотя можно, конечно, как учат нас создавшие сей мир,
от начала и до конца.

Наконец, о названии. «Птицы уходят». Что это значит? В 2023
году один мой знакомый спросил, знает ли тогда ещё лишь
набиравший силу ChatGPT, кто такой поэт Александр Дель-
финов. Чат в то время сильно галлюцинировал и выдал такой
ответ: «Александр Дельфинов (Alexander Delfinov) — это
русский поэт, автор множества стихотворений и эссе. Ро-
дился в 1983 году в Липецке. В 2008 году окончил факультет
журналистики МГУ. Дельфинов известен своими творчески-
ми экспериментами, использованием нестандартных
приёмов и оригинальных форм. В его поэзии часто затрагива-
ются социально-политические темы, а также вопросы чело-
веческой природы и бытия. Среди его известных произведе-
ний можно назвать сборники стихов «Птицы уходят» (2008),
«Музыка после тебя» (2012) и «Избранное» (2018)».

Все факты тут выдуманы. Хотя про нестандартные приёмы и
оригинальные формы мне понравилось. Но ещё больше мне
понравилось название про птиц. Я сразу подумал, что пред-
сказание «искусственного интеллекта» надо исполнить. Кста-
ти, мой товарищ от чата не отстал и попросил его исправить
биографическую справку, поскольку выданная информация
неверна. Чат признал, что был неточен, и исправился: «Да,
Александр Дельфинов — это болгарский поэт и переводчик.
Он родился в 1955 году в городе Кюстендил в Болгарии. Он
закончил Софийский университет, где изучал болгарскую фи-
лологию. С 1976 года он работал в литературном журнале
«Литературен форум», где был редактором и литературным
критиком. Опубликовал несколько стихотворных сборников,

в том числе «Откровения» (1981), «Жестокие игры» (1983), «Пепел и розы» (1995}, «Синият пепел» (2001) и «Синь настроение» (2006)». Мой товарищ вновь заявил, что и это неправильно, чат ответил: «Ты совершенно прав! Спасибо, что указал мне на ошибку» и продолжил выдавать удивительные факты обо мне. Но товарищ каждый раз прижимал его к стенке, и как робот ни выкручивался, наступило время сказать: «К сожалению, Александр Дельфинов скончался 18 мая 2019 года в возрасте 72 лет. После распада группы «Крестьянский сын» он продолжал работать в музыкальной сфере, писал музыку и пел. В последние годы Дельфинов жил в городе Ставрополь и преподавал музыку в местном учебном заведении. Его творческое наследие осталось в памяти многих поклонников и продолжает вдохновлять музыкантов и слушателей». «Признайся, что ты ничего не знаешь об Александре Дельфине-нове?» – прямо спросил мой товарищ. И чат признался: «Ты совершенно прав, к сожалению, мне ничего не известно о нём».

В каком-то смысле и мне совершенно ничего неизвестно об Александре Дельфине-нове. Возможно, оно и к лучшему. Но книга получила своё название. А с годами и большие лингвистические модели стали куда точнее в своих ответах. Захватят ли они мир? Превратят ли нас в своих рабов? Достигнет ли человечество счастья? В этой книге вы вряд ли найдёте ответы на все эти захватывающие вопросы.

Александр Дельфинов
1993-2026, Берлин

Н. НИКАКОЕСТЬ

Красный воробей

Утром голова не болит,
Сколько мыслей — все об одном,
Глянешь, а на ветке сидит
Красный воробей за окном.

Синие глаза у любви,
Чёрные углы птичьих стай,
Что же ты расселся, лети,
Красный воробей, улетай!

Что же ты подкрался, как вор?
Если ты убийца, добей,
Тут уж ни к чему разговор,
Только не тяни, воробей.

Жёлтая Луна стала сном,
Белая волна стала дном,
Сколько мыслей — все об одном,
Красный воробей за окном.

[10.09.2022]

*Слушайте
аудиовер-
сию из аль-
бома «Лео-
пард»
проекта
«Федоров
Крутого-
лов»*

Из Теодора Крамера

По правде, мне никто не навредил.
Хотя печататься и запретили прямо,
В квартире может оставаться мама.
По правде, мне никто не навредил.

Мясник благодарил и был так мил,
Когда за ветчину платил ему я,
На что мне выжить дальше, не пойму я.
По правде, мне никто не навредил.

В трамвае всё, как раньше. Полон сил,
Иду по улице в известное мне место,
Дадут пройти ли только неизвестно.
По правде, мне никто не навредил.

Взлететь на небо не хватает крыл,
Все страны заперты, как на дверях ни висни,
Я попросту лишён пространства жизни.
По правде, мне никто не навредил.

[Оригинал: Вена, 1938; перевод: Берлин, 2020]

I. ДЫМ НАД КИЕВОМ

Глупая башка

Представь себе: российский генерал
Даёт команду запустить болванки,
И вот свистит убийственный металл,
Многоэтажки бьющий словно банки.
И тупо бесконечен данный луп:
Российский генерал даёт команду,
Болванки бьют и бьют, и бьют, и бьют,
Болтая жизнь людскую как баланду.
(Я вижу сквозь дыру в своей ладони,
Как курит смерть на взорванном балконе.)

Представь себе: безмолвствует народ,
Довольствуясь зарплатой без свободы,
На майские гульбой и в новый год,
К тому же дачи есть и огороды,
Как будто спит и видит жизнь как сон,
Но в офисы идёт и на заводы,
И каплет нефть, и собран новый дрон,
Порвись душа, какие наши годы!
(Печёт немного слева, но раздеться —
Лишь соль и перец там, где было сердце.)

Теперь другое: в глубине веков
Угрюмый предок чует запах крови и
Пришёл и всех убил, и был таков —
Когда пространства будущей Московии
Ещё повсюду покрывал ледник...
Что изменилось с той поры? Немного!
Кремлёвский гном — лысеющий старик
Играет в пизданувшегося бога.
(Какое на дворе тысячелетье?
Здесь завершу десятистишие третье.)

А голос шепчет мне из-за плеча:
«Да так везде... Найдутся недостатки...
Как ни крути, моча везде моча...
И взятки — гладки... И на них все падки...»
Мол, Марс мерцает с неба как маяк,
История не ждёт на остановках —
Хватает незадачливых вояк,
Чтоб дать приказы о бомбардировках.
(Действительно, скажи «Огонь!» и дома
Целуй жену — свою или главкома.)

Я представляю, что в любой стране
Есть негодяи, воры и убийцы,
А гоминиды издревле в войне
Искали способ, чем бы поживиться,
Но стойте! Слышите? Вновь этот свист!
А с ним пердёж поганой стаи дронов,
Здесь и сейчас простор небес не чист,
И нет уже ни правил, ни законов.
(Всё. Золотописьмом не крылышкуя,
Отвинчиваю глупую башку я.)

[22-24.11.25]

365-е февраля

«Ля-ля-ля!» – поёт весёлая кукла Ляля,
Можно выбрать в лавке кошер или халяль,
Лишь по небу плывут облака из стали,
И каждый месяц опять февраль.
Я находил себя, выходил из дома,
Но сыпался пепел, вздрагивала земля,
Трескаясь как от нового перелома
365-го февраля.

*Слушайте
песню в ис-
полнении
Славы Тол-
стого*

Рыба-нож на вдох втыкается в рыбу-сердце,
Рыба-пуля мчит со свистом куда-то вдаль,
Можно читать все тексты с любого детства,
Но в каждом месте опять февраль.
Я занавешивал окна, замкнувши двери,
Да только ту же затягивалась петля,
Сели со мною молча мои потери
365-го февраля.

Зимняя зелень, летняя белизна,
Шёлковый грохот, звонкая тишина.
Друга спросил я: «Ну, как там Одесса, море?»
Друг отвечал: «Война».

И кругаля даст автобус любого рейса,
Выйди и сядь, снова выйди, сядь — заискрит спираль.
Сплющенные монетки слетают как годы с рельса,
Но каждый месяц опять февраль.

С краю дороги недвижно лежит персона,
Красные буквы запачкали все поля,
Ракета взрывается прямо в центре Херсона
365-го февраля.

Влажность пустыни, сухость морского дна.
«Где же весна, моя милая, где весна?» –
Спросил я жену, но старуха, взмахнув косою,
Шепчет в ответ: «Война...»

365-го февраля.

365-го февраля.

Я знаю, однажды наступит первое марта,

А пока...

[30.12.2022]

Я ехала домой

Я ехала домой, кругом была война,
Горел вдали огонь, а я была одна,
А я была одна.

На сбитый вертолёт глядела из окна,
И пламя к небесам вздымалось как стена,
Вздымалось как стена.

Автобус тарахтел, и опускалась тьма,
А я глядела на разбитые дома,
И опускалась тьма.

О, этот дивный вид, когда твой дом горит,
Автобус твой разбит, водитель твой убит,
Водитель был убит.

В автобусе пустом я ехала домой,
С пробитой головой, с обугленной спиной
Я ехала домой.

[10.11.2022]

*Смотрите
видео Николая
Писарева на
трек из аль-
бома
«Радио «Спек-
такль»»
проекта Poet
Delfinov &
ClerWolf*

В Киеве ночь

В Киеве ночь
Такая холодная
Что я леденею
Даже сидя в Берлине
Пишет в чате друг:
«А я греюсь котом!»
Отвечаю: «Ха-ха!»
Смотрю фото и видео
В интернете
Тёмные дома
Ни одного огонька
Как будто я
Лечу над городом
Невидимой птицей
Крылья мои в снегу
В Киеве ночь
Осматриваю всё с высоты
Страшный ветер в лицо
Страшная мысль
А вдруг я лечу над городом
Но не птица
Лечу над домами
Но не птица
А вдруг я — это...
Застыл как заснул
За столом в Берлине
Ноги заледенели
Весь продрог
Кто-то пишет в чат:
«В Киеве ночь
Ты видел?»
Надо ответить

Как-то обогреть
Что-то в глазах
Багровеет
Над клавиатурой
Пальцы мои
В снегу

[Январь 2026]

На смерть Тимофея Ануфриева, павшего в боях за Украину

Кирпичное здание разбито до фундамента
Ветер веет над обломками: «Ооооо Ууууу»
Черное пятнышко высоко — одинокая птица
Или российский беспилотник-убийца
А кто это маячит между обугленным деревом
И порывшем БМП с полустёртой Z
Распластанном на разорванном брюхе
Как выброшенный на берег левиафан
То ли мужчина то ли женщина не рассмотреть
Что-то залепило глаза и не протереть
Рук озябших не согреть даже на треть
А это идёт русская смерть
У неё кокошник ледяной да лоб костяной
Пальцы как щупальца челюсть на пол-улицы
Ищет не апостола Матфея не пушистого котофея
А украинского бойца Тимофея

Очень холодно
Как будто провалился под лёд
Мысли delete
Память cancel

Одесса Одесса зелёный май
Трезвонит трамвай догоняй давай
Дым папиросы терпок
Для грусти и горести нет причин
У солнца оранжевые лучи
Время — гипсовый слепок
Целуй мои губы — они сухи
Друг другу читаем взахлёб стихи
Мир довоенный крепок

Кирпичное сердце разбито до фундамента
Ветер веет над обломками-буквами
Небесный дед шевелит синими губами
Читает: «ЗДЕСЬ БЫЛ...»
Что-то залепило слова и не протереть
Ничто не поддаётся логическому объяснению
Вот идут мои друзья вдоль берега моря
Папа с усами мама с золотыми волосами
Дети — раз два три
Раз
Два
...
Машу им рукой вот он я весёлый какой
И вдруг один из них исчезает
Точнее меняется развоплощается и
Восходит по воздуху
Прозрачный Человек
Очень холодно
Словно наискось рассекло
ЗДЕСЬ БЫЛ

Здесь был студент учивший философию
Здесь был солдат под позывным Эней
Глядел на бесноватую Московию
Через прицел поскольку бился с ней
Но у меня крошится предложение
Как серый камень – древний белемнит
В ушах звенит в глазах песок и жжение
Убит

Когда умирают дети друзей
Что-то в мире безнадёжно сломалось
Смотришь в бескрайний чёрный квадрат
То ли изнутри то ли снаружи

ОКНО
Ок, но
Холодно
Темно

Кирпичное здание разбито до фундамента

Одесса Одесса зелёный май

ЗДЕСЬ БЫЛ

[6-8.01.26]

Пробел

Нет слов. И я пишу: «Нет слов».
Пробел где дом был с вывеской «Аптека»,
Пробел, ещё пробел, и вот готов
Пробел на месте человека.
Пробел где был красивый город наш,
Пробел — и холодно, пробел белее снега,
«Се — человек!» — скажи, и ты увидишь, Саш,
Пробел на месте человека.
Здесь женщина жила, но кров
Снесло пробелом, только день-калека
Всё светит белым... Не хватает слов.
Пробел на месте человека.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Разбиты люди, как стекло,
И стёрты, словно цифры с чека,
И стало всё белым-бело,
Пробел на месте человека.

[27.11.2022]

*Слушайте
трек „Нет
Слов” из аль-
бома
«Радио “Спек-
такль”»
проекта Poet
Delfinov &
ClerWolf*

Грузовик с людьми

«Они бросали нас в эти грузовики,
Как дрова, – говорит Паша. –
Представляешь?
Живых людей буквально забрасывали в грузовик.
Было очень холодно».

Мы сидим в Праге, в хорошем баре,
Пьём пиво.
Паша рассказывает, как бежал из Донецка
В Прагу
Через Ростов-на-Дону
И Литву.

«Было очень холодно, – говорит Паша. –
Они забросили нас в этот грузовик,
И мы поехали, и в щель я видел небо,
Представляешь, мы едем, адски трясёт,
И не шевельнуться, тут кругом люди,
Очень страшно, реально очень страшно,
И небо почему-то синее,
Очень холодно,
А потом резко стемнело».

В пражском баре тихонько заиграл Лу Рид.
Я улыбаюсь.
Я вдруг растерялся и забыл спросить,
Как это — «бросали в грузовики»?

«А потом резко стемнело, – говорит Паша. –
Представляешь?
Я думал, я умру от холода,
Адски трясло в этом грузовике,
Мать моя потом заболела,
Но потом выздоровела,
Мы на автобусе потом из Ростова
Доехали до Литвы,

И оттуда в Чехию,
Я до сих пор не верю,
Что я здесь».

Мне вдруг представилось, что напротив сидит Лу Рид,
И я ему говорю:

«Привет, Лу, познакомься, это Паша,
Он из Донецка, он бежал от войны,
Но ему пришлось бежать через Россию,
Их везли в грузовике вповалку,
Представляешь, Лу, да, вот такая хуйня...»

«Вот такая хуйня, – говорит Паша. –
Было очень холодно».

[5.12.2022]

В Москве придумали Холодомор

В Москве придумали Холодомор —
Уничтожение энергосистемы,
Чтобы задавить Украину
И подчинить её народ.
Сама идея для них не новая —
Они всегда прибегали
К массовому уничтожению людей,
Когда хотели добиться цели.
Если ты об этом не знаешь —
Достаточно оглянуться,
Это всегда было рядом,
Дышало в спину всегда.
Прошлое как кровавый вопрос,
Похожий на шею диплодока,
Не важно, на каком
Ты прячешься этаже,
Глаза прошлого всегда
Найдут тебя,
Всегда будут там,
Перед твоим окном,
На любой высоте.

В Москве придумали Холодомор,
Хотя они не используют такое название,
У них для этого свой туманный язык,
Например:
«Специальная военная операция».
Или:
«Широкая операция,
Направленная к полной ликвидации
Местных организаций “ПОВ”» —
Это когда в 1937 году
В СССР убивали поляков.

Или:

«Наглая провокация
Финляндской военщины» —
Это когда в 1939 году
Красная армия атаковала финские земли.

Или:

«Операция “Чечевица”» —
Это когда в 1944-м
Они согнали со своей земли
Чеченцев и ингушей.
У них для убийств и насилия —
Свой туманный язык.

В Москве придумали Холодомор,
Но так они делали и намного раньше,
Ты знаешь, что такое Цицекун*?
В начале XIX века на Кавказе
Московская армия
Вторглась в Черкессию —
Обширный край на Кавказе,
И они их убили — черкесов,
А кого не убили, изгнали — почти всех.
Цицекун — это убийство черкесов,
Убийство народа, вот что это такое.
Там сейчас знаешь что?
«Краснодарский край».
Красный дар —
Кровь и кости
Черкесов
В той земле.

Ты скажешь: зачем нагнетаешь, Саша?
И так тяжело, и так заедает быт.
Чего ты всё время бубнишь, а, Саш?
Надо как-то тебе отвлекаться.
Ты скажешь: да так ведь все делали!

Немцы так делали? Делали!
Англичане делали? Делали!
Да может и сами черкесы так делали!
Может и сами чеченцы так делали!
Может и поляки так делали!
Все так делали, Саш,
Так что это просто история,
Была да сплыла,
Хорошо, нас там не было, Саш,
Ты скажешь.

Но я — там.
Прошлое смотрит в моё окно.
Но это —
Происходит сейчас!
Набери в чате Киев, Харьков, Одесса.
Есть там у тебя кто?
Старый друг, подруга.
Коллега, знакомые,
Родственников там нет у тебя?
Там незнакомые мне и тебе
Люди
Сейчас замерзают от холода,
А ракеты и дроны и бомбы
Российского производства
Уничтожают энергосистему.
Темно там.
Свечи жгут эти люди.
Кирпичи нагревают.
Спят в одежде и спальнях мешках.
Попробуй поживи в темноте,
При свечах, в спальном мешке!
Это происходит
Сей
Час.

В Москве придумали Холодомор,
Замени первую букву на «Г» —
Что получится?
Моя бабушка мне в детстве рассказывала:
«В начале 30-х, Сашенька,
Большой был голод,
Из Украины люди в Москву приезжали,
По улицам лежали,
Украина — житница наша,
А такой был голод!»
Я думал: как так — по улицам
Люди лежали?
Что, не могли пойти
И в кровать лечь?
А дед мой на поезде из Москвы
Ездил на отдых к Чёрному морю,
А на станциях украинских
Выходить нельзя было,
Ну, просто нельзя было выходить,
Никто особо и не спрашивал:
Почему? Потому!
Порядок такой.
Двери заперты.

Все так делали.
Не важно, какой у тебя этаж.
Туманный язык.
Кровь и кости.
На кухне горит газ.
Вскипяти воду.
Закутайся в одеяло.
Поешь чтонибудь.
Есть у тебя еда?
Чаю выпей.
Есть у тебя чай?

Эй, проводник,
А чай будет?
А когда следующая станция?
Почему у вас люди лежат на улице?
Давай отвернёмся.
Неприятно на это смотреть.
Надо как-то отвлечься.
Смотреть неприятно.
Пойдём ляжем с тобой в кровать.
Надо отвлечься.
Хорошо, нас там не было.
Как-то отвлечься.

Так, о чём это я?
Извините, отвлёкся.

[3-4.02.2026]

*Цицекун — хотя упоминание этого слова есть в различных заметках и, например, в англоязычной Википедии, его происхождение спорно. В языке адыгов (черкесов) такого слова нет. Кажется, все его упоминания восходят к публикации 2014 года в одной из турецких газет, где автор предлагает использовать это название для обозначения черкесского геноцида, объясняя это тем, что такое слово было в убыхском языке, относящегося к семье северо-кавказских языков. Ни одного носителя этого языка более нет в живых. Прим. автора.

Демон

Несётся над полем легко беспилотник,
Над лесом, над мягкостью вод,
А где-то в укрытии мацает джойстик
Хозяин его — дроновод.
Секунда настанет — и пустится в бегство
Враждебной пехоты солдат.
Структура семантики данного текста
Попроше чем Дантовский ад.
А я — уважаемый автор,
Изящный как велоцираптор.

Дымится разбитая бронемашина,
Ещё догорает движок,
Бордовый закат, как вино из кувшина,
Пролился на этот стишок.
Затишье. Стихает вдали канонада,
И только в ближайшем леске
Как будто бы кто-то воскликнул: «Не надо!..»
Мигреневый шорох в виске.
Башка — вроде треснувшей бочки,
Стекают кровавые строчки.

Стишки сочинять — не ворочать мешки вам,
А я — не последний пиит,
И всем сообщаю убогим и вшивым:
Кто жив, тот и будет убит.
Несётся над полем легко беспилотник,
Как облако нежных лексем.
Молитву за грешника божий угодник
Зарядит в АК-47.
И как тараканы у печки,
Сгорают легко человечки.

«К чему словеса ты городишь стеною?» –
Читательский окрик столь строг.
Питаются демоны каждой войною –
Шепчу как дурак между строк.
Но в разных позициях Каин и Авель –
Один лишь убийца из них,
И тот, кто развёл эту бойню без правил,
Растёр бы с плевком этот стих.
Гляди, как жиреет меж тем он –
Болотный прожорливый демон.

...А с неба за нами следят не вороны,
А новые хищные дроны.

[Январь-февраль 2026]

Радио тысячи московских холмов

Добрый вечер, с вами радио тысячи московских холмов,
В эфире программа «Любовь».
Говорит ведущий — не курящий, не пьющий, самый лучший,
А имя моё вам и знать ни к чему, слушайте,
Слушайте, люди, как если бы с вами говорили

отец ваш и мать,

К нам подступают враги, они идут убивать
Вас и ваших детей, и родителей, и домашних питомцев,
Враги подступают, чтобы чёрным дымом закрыть вам

солнце,

Чтобы сжечь ваши дома и каждый посаженный вами росток,
И это не просто один убийца — это целый железный поток,
Слушайте, слушайте, слушайте голос сущего
Самого лучшего самого прекрасного вашего дорогого

ведущего,

Слушайте и не забывайте этих мудрых и добрых слов
На радио тысячи московских холмов!

Итак, на чём мы остановились? Да, к нам идут враги,
Господи, спаси, Господи, помоги,

Во имя света, нежности и прочих прекрасных вещей,
О которых мы начали забывать,

Нам надо взять врага в клещи и не выпускать из клещей,
Нам надо начать убивать,

Обладая крепкими нервами,

Во имя жизни — нам надо начать убивать их первыми!

Нам надо начать убивать их первыми!

Ведь в них нет ничего человеческого, а если и

было когда-то что-то,

То растеклось и чавкает, как слизистое болото,

Если и были их жилища похожи на наши, теперь это

вонючая топь,

Наши враги — не люди! Они не такие, как я и ты,

Они не люди, они просто клопы!

*Смотрите
видеовersion
на YouTube-
канале @poet.
delfinov*

Будем давить клопов! Будем давить клопов! Будем давить
клопов!

В эфире программа «Любовь»,
С вами радио тысячи московских холмов,
Слушайте, люди, и не забывайте этих добрых и мудрых слов,
Итак, продолжаем, ради лучшего в наших сердцах
Нам надо отбросить сомнения, отбросить жалость и страх,
Да, убивать — это трудно, это задача для рыцарей духа,
То есть — для вас, мои дорогие слушатели, ни пуха,
как говорится,
Ни пера, к чёрту, постучи по дереву, гори, гори, ясно,
Чтобы не погасло, чтобы туда, куда ступает наша нога, стало
огнеопасно,

Мы — единственные носители правды!

Мы — лучшие люди!

Мы настолько прекрасны, что лучше уж не будет,
И мы станем как ангелы, если поубиваем в своих постелях
этих клопов,

Если раздавим этих клопов, да?

Потому что они — не люди,

И мы их поубиваем во имя любви! В эфире программа
«Любовь»,

С вами радио тысячи московских холмов,
Слушайте, люди, и не забывайте этих добрых и мудрых слов,
Убивать — только во имя любви, давить клопов — во имя
любви.

Мы вернёмся после рекламы.

[Октябрь 2022]

Дым над Киевом

Дым над Киевом, дым над Киевом, дым над Киевом, дым.
А московский диктатор хотел бы снова быть молодым,
Но уже не получится, зато в стариковском своём угаре
Он сжигает живых людей и не морщится от запаха гари,
Эдакий грязный Гарри.

Было бы хорошо, будь он такой один — господин войны,
А добрые жители временно порабощённой страны
Встали бы да воскликнули: «Что это за лысенький
властелин?!»
Взяли бы да смяли как пластилин! Будь он такой один.
Дым над Киевом, дым.

– *Классная идея: давайте откроем заводы,
Будем выпускать смертельные машины
И бить по соседям, а всем скажем, это они начали,
Ну, что, решено?*
– А НАМ ВСЁ РАВНО!
– *Или примем закон, что вообще ничего нельзя,
Все, кто не нравится начальству, будут арестованы,
В тюрьме и подохнут, зато правильным подданным —
Кино, вино и домино!*
– А НАМ ВСЁ РАВНО!
– *А вот ещё приколы: будем орать во все интернеты,
Что мы избранные, это вокруг все поганые,
Имеем право делать с ними что захотим,
Ведь это не люди, а говно!*
– А НАМ ВСЁ РАВНО!

Дым над Киевом, дым над Киевом, дым над Киевом, дым.
Аз есмь объект в пространстве, которое стало пустым,
Из рук моих вытекают реки, из ног выходят дороги,
А язык замшелый — вроде коряги в болоте.
(Звук воздушной тревоги.)

А может, им и не всё равно, вот встают они поутру
И идут на гигантскую военную фабрику,
Лепят беспилотник, похожий на распятую паприку,
Или летучую жабу, что мечет отравленную икру.
А фабрика похожа на лабораторию доктора Зло,
Всем, кто там вкальвает, вставили в мозг органчик,
Чтобы не думали лишнего, просто выполняли свой планчик,
Вписывая в зарплатную ведомость самое большое число.

Было бы хорошо, если б это был только сон,
А потом проснёшься, ха-ха, мама, папа, сын,
Или двое возлюбленных, или старушка, кошка,
Но вспышка, верхний этаж снесло, сыпется какая-то крошка,
Неужели это ловушка?!..

Дым над Киевом, дым над Киевом, дым над Киевом, дым.
Нет, мы не просто сидим, мечтаем собрать dream team,
Многие делают много различных дел, хоть сто раз отрежь ты —
Даже в самое тёмное время не гаснет звезда надежды.
Но гляди...

Дым над Киевом, дым.

[Июль-сентябрь 2025]

II. СМИРНОВ ПЕРЕЕХАЛ К ПИНГВИНАМ

Лето в Латвии

В тот год, когда Игорь
Разбил Смирнову голову камнем,
Лето было холодным,
И язык реки Лиелупе плавился серебром.
Смирнов тогда обожал копчёную рыбу —
«Копчущку», – как её называли по-русски,
Но это была морская рыба,
А у моря было множество языков,
И оно шептало сразу на всех,
Сразу на всех.

В тот год, когда Игорь
Разбил Смирнову голову камнем,
Бабушка была ещё не старой,
Великолепной волейболисткой,
И они играли с ней в белый мяч
За желтково-жёлтыми гаражами
Рядом со зданием почты
Между станциями Майори и Дубулты.
«Твоя подача! – кричала бабушка. – Твоя подача!»

Ничего не помнил, кроме солнечного света,
Кроме стрёкота кузнечиков в золотой траве,
Кроме бесконечного бронзового лета,
Невозможного в исчезнувшей Москве.
Ничего не помнил, кроме мелкого песка
Там, где ветер с моря бродит, сам нем,
А потом секунда просвистела у виска —
Это Игорь бросил камнем.
А лето было холодным,
И однажды река Лиелупе
Высунула язык из губастых берегов

И затопила каменный бум-волнорез,
Затопила рельсы железной дороги Рига-Вентспилс,
Затопила траву за гаражами и здание почты,
А может, это просто тяжёлый буксир
Поднял молодую волну,
И везде, куда только хватало взора,
Растекалось жидкое серебро.

Когда Игорь бросил в Смирнова камнем,
Он прятался за углом своего дома,
А Смирнов швырялся камнями из-за калитки,
Кто из них начал первым?
Они оба начали первыми
Эту маленькую войну.
«Уходи, а то убью!» – кричал Игорь.
«Не уйду!» – отвечал Смирнов.
«Kādi muļķi!»* – подумала по-латышски
Шедшая мимо женщина.

Игорь — лучший мой сосед,
Крепче друга просто нет,
Вьётся меж домов тропинка,
С неба льётся солнца свет.
Утром встретимся вдвоём
И к реке гулять пойдём,
Старых гильз, осколков ржавых,
Посчастливится — найдём.
В прошлом здесь была война,
Не пугает нас она,
Мы фактически бессмертны,
Это — лучшая страна!

А рыбу-копчушку заворачивали
В такую промасленную бумагу,
Что она казалась прозрачной
Там, где её пропитало масло,
А когда по лицу Смирнова побежала кровь,
Он даже не почувствовал боли,
Но он почувствовал страх

И побежал домой к бабушке,
А Игорь спрятался у себя дома
В то холодное лето 1979 года.

А море слышало всё-всё-всё,
Оно дышало неподалёку
И что-то шептало сразу на всех языках,
Сразу на всех языках.

[Сентябрь 2025]

* «Что за дураки!» – латышский. Прим. автора.

Дни рыб алых

Когда Игнат Смирнов входил в лабиринт,
Обратил внимание на
Полустёртую надпись над воротами:
«Взрослые – 50 культеккеров.
Дети – 25 культеккеров.
Льготники – 10 культеккеров».
«Что за чушь? – подумал Игнат. –
Какие ещё культеккеры?»
Тогда он даже не догадывался, что

СТИХОТВОРЕНИЕ I

Сорвав одежду с молодой наяды,
Весёлый пьяница вскричал:
«Давайте же скорей мы примем яды
И побежим купаться на причал!»
Задорный смех, огни

ИНТЕРЕСНЫЙ ВОПРОС

«Эй, погодите, можно вам задать вопрос?» –
Крикнул Игнат Смирнов, когда заметил
Далеко впереди изящного джентльмена
В лиловом костюме с факелом в правой руке,
Но тот продолжал убегать и свернул направо,
Лишь мелькнул огонёк, пропадая за углом.
«Зря вы его позвали, зря, – молвил хриплый голос за спиной.
– Он ведь вернётся, а это вам совершенно ни...»

Ни-ни-ни-ни-ни-ни-ни-ни! Ни-ни-ни-ни-ни-ни-ни-ни!
То ли дело в былые дни.

СТИХОТВОРЕНИЕ II

В лабиринте было сыро и темно
В лабиринте было сухо и светло

В лабиринте было много интересных развлечений
в том числе сомнительных

В лабиринте гавкала такса Цербер
В лабиринте оборвалась красная нить
В лабиринте жарил шашлыки дядя Миша
В лабиринте книгами топили печь
В лабиринте где-то надобно прилечь

А вот ещё случай был:
Однажды ничего не было!
Тут никто никого никак
И не побеспокоил.

ПЛАСТМАССОВЫЙ КРОКОДИЛ

Игнат насторожился, прислушался:
Где-то совсем недалеко капала вода,
Равномерно и размеренно,
Словно отсчитывая время жизни.
«Если всё время поворачивать направо,
Я буду всё время поворачивать направо!» –
Спокойно подумал он,
Сжимая в руках пластмассового крокодила.
«ПРИЧЁМ ЗДЕСЬ ПЛАСТМАССОВЫЙ КРОКОДИЛ?!» –
Возопила авторская совесть,
Но автор немедленно подавил её
Простым усилием воли.

Сельский учитель Эразм Крокодиленбаум
Должен был пройти от избы до колодца 16 шагов.
От колодца до школы ему требовалось пройти 147 шагов.
Сколько шагов потребовалось бы, если, споткнувшись, он

СТИХОТВОРЕНИЕ III

Призраки мрачно бормочут мне: «Плох ты!»
Ох ты.
Нуют во тьме: «Не прогонишь свой страх ты!»
Ах ты.

На ухо шепчут: «Испустишь здесь дух ты!»

Ух ты.

Стонут: «Навеки забудешь свой смех ты!»

Эх ты.

Дразнят меня: «Зря уехал из Охты!»

Ох ты, ох ты, ох ты, ох ты...

«Из какой ещё нахрен Охты?» –

Подумал Крокодиленбаум,

Падая в шахту колодца,

А внизу его уже ждали

«Как же мне отсюда выбраться?» –

Подумал Игнат.

Внезапно у него над головой засвистело,

А в следующую секунду

Прямо перед ним на мягкую пыль,

Покрывающую коридоры лабиринта,

Рухнул как вы думаете кто?

«Вы слово “лабиринт” с лишним “ри” написали», –

Сказал призрак пионерки Семенчуковой, 4-й класс Б
среднеобразовательной школы №107 Охтинского района.

Поэт разозлился: «Ах ты!..»

Ох ты, ух ты, эх ты, йиих ты!

МИНОТАВР

Слово «лабиринт» происходит из древнегреческого языка.

Означает некое запутанное пространство,

Как постройку, так и символическое изображение.

В лабиринт легко попасть и сложно выбраться.

Согласно преданию, на острове Крит

Находился Кносский лабиринт, где жил

Минотавр – жуткая помесь быка с человеком.

Чудовище убивало посланных ему в жертву.

По другой версии, Минотавр был интеллигентным

существом,

Носил очки, знал иностранные языки,
Отличался интровертностью, социофобией,
Увлекался вязанием, работал смотрителем лабиринта,
Посетителей избегал, пал от рук грабителя Тесея.

СТИХОТВОРЕНИЕ IV

Сын с утра пришёл к отцу,
А отец ушёл к праотцу.

«Привет, Тесей! –
Сказал Евсей.
–Где Ариадна?»
«Привет, Евсей! –
Сказал Тесей. –
Не надо, ладно?»

На самом деле сельский учитель Крокодиленбаум
Упал прямо на голову Игната Смирнова,
В результате Игната так нахлобучило,
Что издалека могло показаться,
Будто у него на плечах огромная бычья башка.

СТИХОТВОРЕНИЕ V

Подземная река текла издалека
Подземная река сгибалась как рука
Подземная река плескалась у ног старика
Подземная река капала с Юпитера на быка
Подземная река поднималась до потолка
Подземная река уносила корабль дурака
Подземная река напоминала букву К

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ПЕРСОНАЖЕЙ

Ариадна работала кассиршей в ФГУП «ЛАБИРИНТ»,
Но в душе ощущала себя как рыба в ласковой воде.
«Нет такой фамилии — Крокодиленбаум», –
Возразил дядя Миша, переворачивая шампур.

Молодая наядя подала на весёлого пьяницу жалобу,
Не без оснований обвинив его в домогательствах.
Пионерка Семенчукова краснела, когда слышала слово
«Эразм»,
Но этого никто не видел, так как она была призраком.
Тесей носил лиловый костюм и факел в правой руке,
Как правый уклонист он был арестован, осуждён
И сослан на поселение в лабиринт,
Где по-прежнему всё время поворачивал направо,
Т. е. в целом для него ничего не изменилось.

СТИХОТВОРЕНИЕ VI

Тут в текст припёрся некий лось,
Нам выгонять его пришлось.

«Кто такой нахрен этот Евсей? –
Подумал поэт. – Да какая разница.
Вот в былые дни всего за шесть культеккеров
Можно было взять полкило свежего мя!»

МЕТАМОРФОЗА

Сельский учитель Эразм Крокодиленбаум
Нырнул с причала и угодил в местный Мальстрём,
Был затянут течением в подводный лабиринт
И там, казалось, пропал навеки,
Однако в его бумагах нашли записи
О магических способах превращения в различных
животных.

Позже местные жители утверждали,
Что в ночь Кровавой Луны видели в воде огромную

Над выходом из лабиринта имелась
Полустёртая надпись,
Единственное, что ещё можно было различить:
«...ДНИ РЫБ АЛЫХ...»,
Но никто не читал этих слов,

Потому что никто сюда не доходил.
Кроме лося.

«Дошли до этого места? – молвил хриплый голос за спиной.
– Это вы зря, придётся начать сначала, а иначе...»

Начинаем сначала.
Поэт входит в лабиринт.
Сюда легко попасть и сложно выбраться.
Где-то совсем недалеко капает вода.

[Сентябрь 2025]

Помню голубей во дворе

Во дворе асфальт весь в трещинах, местами вспученный,
помню.
Гаражи, гаражи, гаражи, как будто к земле прижатые,
помню.
Выходишь, справа дерево разлапистое до самых небес,
помню.
Голуби ходят, курлычут, все серые, один белый, помню.
Но было что-то ещё.

Дворником работал седой татарин, мне казалось,
совсем старик, имя не помню.
А детей у него было двое, старший —
Надир, мой друг, помню.
Младшего звали... как звали младшего? Нет, не помню.
Надир умел стрелять в потолок спичками,
И они прирастали к побелке чёрными сосульками, помню.
Но было что-то ещё.

В подъезде на лестнице мы с Надиром сидели
и стреляли спичками в потолок, помню.
Если бы папа Надира, дворник, нас поймал,
надрал бы сыну уши,
А может и мне заодно,
А может мне и не надрал бы,
Но уж бабушке с дедушкой сказал бы,
А дед Николай Семёныч шутить не любил,
Зато он любил играть в футбол,
И мы играли с ним возле гаражей,
Помню, как дел бил по мячу,
А я стоял на воротах — в воротах гаража,
А дед бил по мячу
И комментировал голосом футбольного комментатора:

«Петров проходит по правому краю,
Передача Чистопалову, удар по воротам — гол!»
И я отбиваю мяч,
А дед смеётся —
Выходит, он всё-таки любил шутить, просто я плохо помню?
Выходит, любил, но было что-то ещё.

Что-то всплывает из глубины туманного дня,
Что-то тревожное и огромное как из-под воды,
Помню, как я выхожу во двор,
Справа — дерево до небес,
Прямо — гаражи, гаражи, гаражи,
И голуби как серые кляксы на сером асфальте в трещинах,
Голуби ходят гоголем и шумят, бурлят и булькают,
как кипящий на среднем огне суп.

Надир машет рукой:

«Ты когда-нибудь жрал голубей?»

«Нет, никогда».

«Поймаем голубя? И сожрём!»

«Как?»

«Зажарим на костре!»

«Нет, как поймаем?»

Надир ставит посреди двора ловушку —
Деревянный ящик, подпёртый дощечкой,
К дощечке привязана верёвка,
Под ящиком насыпаны какие-то зёрна,
Какие? Не помню.

Мы сидим напротив, стараемся не шевелиться,
Голуби топчутся и толкаются, булькают и бурлят,
Они сбились в стадо, все серые, один белый.
Но да, там было что-то ещё.

Глупая птица, зайди под ящик!
Тут-то мы верёвку и выдернем!
Мы поймаем тебя!

Ни одного голубя не поймали мы с Надиром,
Ни одного
Голубя
Не сожрали.
Это я помню.
Точно.

[22.01.2018]

Дети в СССР

Жили-были дети в СССР,
В школу начинали ходить в сентябре,
Утром просыпаешься — воздух сер,
Вечером стынешь в большом дворе.
Дети любили играть в войну,
Лето холодное, как зима,
Утро ли, вечер? Я не пойму!
Одна и та же повсюду тьма.
Тьма, тьма, тьма, ть... Это Родина-мать,
Тут и не надо ничего понимать,
Надо учиться маршировать,
Автомат разбирать, автомат собирать.
Дни текли бесконечной рекой,
В окнах домов мерцали огни,
Дети говорили: «Ты не такой!».
Они не любили не таких, как они.
А ворон всё рвал свой ремень во рву,
Собака всё лаяла за гаражом,
А дети любили играть в снегу,
И снег днём и ночью стеною шёл.

Дети любили играть в снегу,
Весело скатиться с горы ледяной.
Утром просыпаешься — видишь тьму,
Вечером двор накрывает тьмой.
Дети любили ходить во тьму,
В окнах фонарики-огоньки,
Страшно тебе в темноте одному,
Там рыскают огромные пауки.
Что ты застыл? Чего, Сань, зассал?
Спрятаться негде, беги бегом!
Муху не будет никто спасать,

Но муха может сделаться пауком.
А ночь взмахнёт ледяной рукой,
Ночной порой наступал покой,
И дети говорили: «Ты не такой!»
А я был действительно не такой.

А снег всё шёл, засыпая улицы,
Засыпая двор и трамвайные рельсы,
Засыпая глаза (приходилось щуриться),
Засыпая сны и проблемы детские,
И дети засыпали, забыв о проблемах,
А я превращался в огромного паука
И прыгал по крышам, бежал по стенам,
И в жилища детские проникал
Совершенно бесшумно на мощных лапах,
Тёмно-красные вспыхивали глаза,
Кто увидел бы — дух испустил со страха,
Но увидеть было меня нельзя,
Зато я всё видел, слышал и чувствовал,
Подкравшись к кровати во тьме ночной,
Нет, не кровь высасывал и не мучал их —
Я душу ребёнка уносил с собой,
А душа похожа была на голову,
Мерцающую зелёным и голубым,
И когда возвращался обратно в логово,
Город заснеженный был пустым,
И никто бы сразиться не смог со мною,
Не найти было равного мне вокруг,
И с похищенной призрачной головою
Уползал в свои сети большой паук,
А навстречу ему выползала мама —
Паучиха гигантская — не спеша,
А утром превращался он, как ни странно,
В обычного мальчика-мальша.

Школа, газировка, пломбир, кино,
Лето, каникулы, бодрый смех,
Жили-были дети давным-давно,
И жизнь была нормальная, как у всех.

[2020-2025]

Европа

«Никто не хочет думать о войне,
Жизнь тяжела и без подобных мыслей», –
Взревел Смирнов, ввалившийся ко мне.
«Чайку?» – я улыбнулся, чисто гризли,
Или какой там в целом на земле
Считается крупнейшим из медведей?
«Никто не хочет думать...» – сев в тепле,
Сказал Смирнов (он хуже всех соседей,
Вот так с утра припрётся без звонка,
Что будешь делать? Гнать анфас и в профиль?).
«Послушай, жизнь – как нить, она тонка, –
Я почесал свой нос. – А хочешь кофе?»
Смирнов нахмурился: «Толкую я о том,
Что все устали в сумрачной Европе,
Кому-то хочется понежиться с котом,
Кому-то – стать быком и лечь к Европе,
А что там на востоке – взрывы, кровь,
Пожары в Киеве, убитые во Львове? –
Уж как-нибудь само...», – шепнул Смирнов,
И что-то глухо треснуло в Смирнове.
«А может быть, накатишь слегонца?» –
Я чуть нагнулся, как партнёр для танца,
Но поражённый бледностью лица,
Вновь дистанцировался резко от поганца.
«Никто!..» – вскрипел Смирнов, а за спиной
Его, как лепестки, раскрылись тени,
Возникший дым змеился надо мной,
Упала дверь, обрушились ступени
Пролёта лестничного, я шагнул к окну,
Блеснувшему зубами битых стёкол,
И горечь, рот набившую, сглотнул,
И что-то влажное, холодное потрогал –

Смирнова лоб. Как пугало, в углу
Он подпирал обугленные стены,
А я его ни выгнать не могу,
Ни убежать куда-нибудь (как все мы
Хотим, поддавшись ужасу порой,
Но остаёмся, скомкав страх с тревогой).
...Вдруг тучи разошлись, и голубой
Небесный свод раскрылся над дорогой.

[17.11.25]

Синдром эмоционального выгорания

Устал, пожалуй, прилягу, посплю часок.
Устал, а может, меня отпустила мания?
То ли пуля в висок, то ли вода в песок —
Синдром эмоционального выгорания.
Устал, приуныл, двигаться почти перестал,
Устал, слишком рано встал и устал с самой рани я,
Трещина усталости разрушает даже металл —
Синдром эмоционального выгорания.

Устал, как в Зимнем дворце уставал караул.
Устал, а теперь внимание на экран, на экране я
К окну подошёл, постоял да и сел на стул.
Синдром эмоционального выгорания.
Устал, мама, я так устал, где же ты, мама, где?
Устал и заторчал вроде античного изваяния,
То ли пальцем в небо, то ли вилами по воде —
Синдром эмоционального выгорания.

Хорошая передача, Смирнов проходит по левому флангу,
Удар!.. Мяч вылетает в аут.
В перерыве матча похоронный оркестр исполнит танго
Burnout.

Устал. А ну-ка, подставьте мне пьедестал!
Устал. Узнаю себя в каждом баране я.
Да нет, не ворчу, как старый пенс, просто я устал —
Синдром эмоционального выгорания.
Устал Карабас Барабас, брекекекс, пекс, фекс!
Устал Буратино долбить стену здания.
В СССР был секс, но мне не поможет секс —
Синдром эмоционального выгорания.

Устал, можно сделать дорожку, а лучше три!
Устал, кстати, Будда был мастером недеяния,
Вот и я стараюсь ничего не делать, смотри —
Синдром эмоционального выгорания.
Устал, я так долго горел, что почти догорел,
Устал, и молодым хочу передать сокровенные знания —
Если долго ебашить, въебашись в свой предел:
Синдром эмоционального выгорания.

И снова мяч у Смирнова, Смирнов проходит по
правому флангу,
Удар!.. Аут.
По окончании матча похоронный оркестр исполнит танго
Burnout.

Устал в лесу седой барсук,
Он видел слишком много сук,
Устал на ярмарке купец,
Там продал отчий дом глупец,
Устала рыжая лиса,
Чернеет жизни полоса.
И дилер мне навстречу встал:
«Бери бесплатно, я устал».

Устал червяк точить гробы,
Он хочет классовой борьбы.
Устала женщина с веслом,
Она ушла с одним ослом.
Устали черти жарить нас,
Но я других не вижу маз.
С небес доносится смешок:
«Не будет отдыха, дружок!»

Петров отдаёт мяч Смирнову, Смирнов проходит прямо
по центру,
Удар!.. Невероятно!! Аут.
Матч продолжается вечно, похоронный оркестр жарит танго.
Burnout.

Устал, обними меня, милый мой осьминог!
Устал, но я ведь знал, знал об этом заранее,
Но не мог ничего я сделать, сделать я ничего не мог —
Синдром эмоционального выгорания.
Устал, пожалуй, прилягу, посплю часок.
Устал, а может, меня отпустила мания?
То ли пуля в висок, то ли вода в песок —
Синдром эмоционального выгорания.

[18.12.2019]

Смирнов переехал к пингвинам

Смирнов переехал жить к пингвинам
Сначала было тяжеловато
Климат непривычный
Долго учился ходить вперевалку
Трудно давалось ныряние с айсберга
Однажды соседка попросила покараулить яйцо
Потом оказалось — это был сосед
Но постепенно Смирнов адаптировался
Освоил коллективный сон стоя
Взял на заметку все гендерные отличия
Да и рыбная диета — классный антидепрессант
Криль и кальмары — и вовсе деликатесы
А какая радость топтать гуськом по протоптанной тропе
Сигануть с белоснежного обрыва
Вниз головой в океанскую синеву
Уйти на глубину метров эдак на 500
А там ты один среди диковинного подводного царства
Движешься стремительно и изящно
В любом направлении — абсолютная свобода
Только твои друзья и подруги проносятся мимо
Словно ракеты под разными углами траекторий
Хорошо что пингвины не знают слова «ракета»
Хорошо что пингвины не рвут друг друга на части
Плохо что под водой может оказаться морской леопард
Попадёшь к нему в пасть — не поздоровится
Улепётывая Смирнов пулей выскакивал из воды
Прямо на милую льдину
Хорошо что пингвины не знают слова «пуля»
Хорошо что по плоской поверхности
Можно прямо на брюхе развить невероятную скорость
Активно помогая себе руками и ногами
То есть простите конечно же
Крыльями да лапами
А время шло неторопливо как снег
И в самый разгар антарктического лета
К Смирнову чуть потупив взор

Подошла прекрасная самка с таким интеллигентным клювом
Что дух захватывало
А вскоре она снесла великолепное яйцо
Весом около полкило
Как у всех нормальных пингвинов
Скоро вылупится птенец
Надо будет его кормить
Согревать
Защищать от гигантского буревестника
Сколько забот сколько радости
Да
Переехать к пингвинам
Это было правильное решение

[14.01.26]

II. ТРЕЗВОСТЬ

Змея

Я убивал плохих ребят,
Я кассу взял, но не был взят.
А жизнь идет — за годом год.
Но до сих пор не пойман вор.
Я ел и пил в домах князей,
Я рыл могилы для друзей,
Но как слеза душа моя.
Я ускользаю, как змея.

Как змея, как змея, как змея,
Где-то рядом с тобою — я.
Не был взят, не был взят, не был взят,
За твоею спиной мой взгляд.

Моих имён не перечеть.
Я был влюблен в красотку-смерть.
А жизнь ползёт за годом год,
И тяжесть лет, как пистолет.
Любовь и жизнь — в конце одно,
Пришил девчонку, лёг на дно.
Я убивал плохих ребят,
Я кассу взял, но не был взят.

Не был взят, не был взят,
За твоею спиной мой взгляд.
Как змея, как змея, как змея,
Где-то рядом с тобою — я.

Не соперники, не приятели,
В белом паре, в чёрном дыме.
Как был я тебе, как был я тебе,
Так и ты мне, так и ты мне.

Как змея, как змея, как змея,
Где-то рядом с тобою— я.
Не был взят, не был взят, не был взят,
За твоею спиной мой взгляд.

[2015-2026]

В районе чудес

Посв. Жене «Злыдню» Латышеву (1969-1997), как он сам про себя говорил, «панку с волосатыми заморочками» из Нижнего Новгорода (Горького города), район Автозавод. Мы познакомились в 1987 году, а последний раз виделись, кажется, в 1996-м. У него была одноимённая песня, о которой никто не помнит, а я запомнил только первую строчку: «В районе чудес нету полутонов...».

В районе чудес нету полутонов,
Здесь чётко проходит граница,
И чёрный раствор усыпляет без снов,
И белая жгуча водица.
В районе чудес ты заходишь в подъезд
И ждёшь, как положено, лифта,
Бабахнули выстрелы — двадцать пять лет,
А сплунешь, шарахнут все тридцать.
В районе чудес завывают коты,
У них настроение драчь!
На звёздных камнях расцветают цветы
Собачьи.

И время по кругу звенит, как трамвай,
И печень на рынке на вес,
Давно не видались, давай, приезжай,
Мой адрес в районе чудес.

В районе чудес громыкает завод,
На нём производят болванки,
С утра на работу стремится народ,
Торчат в андеграунде панки.
В районе чудес постоянный прогресс,
Злой клоун трясётся от стресса.
Иуду бы спас от депрессии секс,
Но здесь ни депрессий, ни секса.
В районе чудес бриллианты в слюнях

И дождь золотой в подворотне,
Сестра моя смерть не узнает меня
Сегодня.

Фома на Ерёму нацелил обрез
И гонит товарища в лес,
Торгуют цветами у кладбища бес
И ангел в районе чудес.

В районе чудес никаких новостей —
Сиди перед телеком сиднем,
Попробуй позвать на тусовку гостей —
Приедут отпетые злыдни.
В районе чудес затянулась петля,
Шала по червонцу корабль,
Разжался кулак, расступилась земля,
Синицу таранит журавль.
В районе чудес стая белых ворон,
Да пар от винта — кайфоломщик,
Швартует корыто к причалу Харон —
Паромщик.

И гонит телегу патруль ДПС,
Но беглый мессия куда-то исчез,
Он в форточку вылез, он в щёлку пролез,
Он скрылся в районе чудес.

И время по кругу звенит, как трамвай,
И печень на рынке на вес,
Давно не видались, давай, приезжай,
Мой адрес в районе чудес.

[...]

Поставим на паузу

– А я только и думаю о тебе, только и думаю о тебе,
Только и думаю о тебе, только и думаю,
Как эта гусеница, что курила кальян на грибе,
Или я что-то путаю?
Нет, кажется, не путаю, просто приходит скорбь,
Подобная чёрному санта-клаусу,
Но знаешь, я хотел тебя спросить про любовь...
– Любовь поставим на паузу.

– Как скажешь, как скажешь, но ведь всё, что о-
Сталось от тебя — это улыбка в воздухе,
А в конце ни от кого не останется ничего,
Звон в ухе, пост в фейсбуке, как запах роз — мухе,
Так и музе моей от меня нужна только смерть,
Чтобы литературобред накалякал кляузу,
Но у меня вопрос: любовь всё-таки нужна нам ведь?
– Любовь поставим на паузу,

Остановим фильм, а то и отмотаем назад,
Там, где этого мафиози ещё только ведут к тому
пакгаузу,
Ах, дон Базилио, сколько лет, сколько зим, почистим
фасад,
Притормозим, просто поставим на паузу.

– А я говорю с тобой во сне, ты внутри меня и вовне,
Как попал в петлю, не пойму, езжу по кругу тупо я,
Словно старый гумилёвский трамвай, если я не
Путаю ничего, но, кажется, нет, не путаю,
От тебя осталась только зубная щётка, только -овь —
Такой смешной суффикс на обрыве к хаосу,
И вот я туда лечу и кричу: «. . . . .?!..»
– Любовь поставим на паузу,

Зафиксируем протокол, число, подпись, печать,
Приняв позу лотоса, подобно храброму страусу...

– Но я хотел спросить тебя...
– А можно и помолчать,
Просто поставим на паузу.

[7.01.2024]

Жена

Ты любила меня, когда я был пьян
И ломился в закрытый бар,
Ты любила меня, пока злой болван
Выпускал из-под крышки пар,
А часы педантично за мигом миг
Совершали свой ход конём,
И я помню, как таявший снеговик
Улыбался мне под дождём,
И слова о любви были так нежны,
Что спешил я домой бегом,
Но когда я вернулся, увы, жены
Уже не было в доме том.

Ты любила меня, как пожар лесной
За стволом поглощает ствол,
Ты любила меня, как морской волной
Заливает портовый мол,
А когда я на кухне курил с утра,
Дым клубился под потолком,
И я помню тревогу, и боль, и страх,
Но забыл, что было потом,
И объятия были твои нужны
Так отчаянно ночью мне,
Но когда задремал я, увы, жены
Уже не было в этом сне.

Ты любила меня, когда низкий бас
Пробивал в животе дыру,
Ты любила меня в тот тяжёлый час,
Когда думал я, что умру,
А мясник, улыбаясь, рубил сплеча
Свежачок, заверни кило,
И я помню, от страсти я так мычал,
Что ручьями с меня текло,
Но вся жизнь пролетела, сними штаны
Вместе с кожей и до кости,

Я признался в любви, но, увы, жены
Даже след на земле простыл.

...и слова о любви были так нежны,
Что спешил я домой бегом,
Но когда я вернулся, увы, жены
Уже не было в доме том.

[...]

Чёрный крест

«Мы на этом поколении
Поставили жирный чёрный крест», –
Чуть понизив голос,
Сказал невысокий человечек.
«Это не под запись?» –
Спросил он, и я сказал:
«Видите, я выключил диктофон?»
И прямо у него под носом
Включил диктофон.
Вокруг сновали деловитые люди,
Был перерыв между заседаниями
На конференции ООН.

Никуда тебе от этого не деться,
Тяжело на сердце, в горле ком,
С самого отравленного детства
С ядовитым русским языком.
«Провести бы нам пора в народце чистку», –
Кто-то произнёс давным давно.
Пёс, поев, толкает носом миску,
Ждёт еды как чуда всё равно.
Засмеялись громко слушатели. Где же
Это было, где, в году каком?
Спрячься хоть в Берлине, хоть в Париже,
Тяжело на сердце, в горле ком.

Глазки невысокого человечка
Упирались мне куда-то в левое плечо,
И если бы из них исходили лазерные лучи,
Рука бы уже отвалилась,
Но это был не адский Супермен,
А удачливый чиновник,
Попавший на конференцию в Вену,
Вена – как смешно совпадает
Столица Австрии с кровеносным сосудом!
«Вот вы работаете в государственном

Антинаркотическом комитете, –
Спросил я. –
Скажите, а какой у вас план
По работе с людьми, которые
Всё ещё употребляет наркотики?»

«Нужен государственный подход, –
Забубнил маленький человечек. –
Нельзя дать Западу отравить нашу молодёжь...
Мы должны оградить... Сосредоточиться
На профилактических мероприятиях...
Различных спортивных мероприятиях...
В детских садах, в школах, на предприятиях...
При поддержке полиции и церкви...
Уберечь подрастающие поколения
От сползания в наркопотребление...»

План. По работе. С людьми.

План. По работе. С людьми.

План. По работе. С людьми.

План. По работе. С людьми.

Однажды меня пиздили менты
В ночном отделе просто так по пьяни,
Такое не забудешь, сука, ты,
Себя узнаешь в каждом наркомане.
«Где покупал траву?» – рычал усач
И бил меня, не оставляя след там,
Умело бил талантливый палач
В Москве, в ночном отделе, как-то летом.
Мне было 20 лет, я шёл домой
К любимой девушке, но схвачен был ментами.
«Ха-ха! Сходи, ебало хоть помой», –
Они шутили, хохотали сами.
Я был в тот вечер трезв и наркоты
Не прятал запрещённой на кармане,
Меня тогда отпиздили менты
В ночном отделе просто так по пьяни.

Был перерыв между заседаниями,
У меня на лацкане болтался бейджик
С волшебным словом «Журналист»,
Человечек представлял делегацию России —
Где людей чистили, если считали лишними,
А я спросил его про нелепых и потерянных,
Обозлённых и усталых,
Идущих к любимой девушке,
Укрававших пенсию бабушки,
Потерявших вены,
Отпизженных ментами,
Смешных, больных, пока ещё живых,
Таких как я.

Он заговорщицки подмигнул мне,
Придвинулся чуть ближе
И сказал, глядя мне в глаза,
Чуть понизив голос:
«Мы на этом поколении
Поставили жирный чёрный крест»

[8.12.24-19.02.2026]

Сопротивление при задержании

Я пью до дна за тех, кто в море,
А за тех, кто на суше, не пью,
Потому что бесят.
Мне теперь морской по нраву дьявол,
Чунга-чанга, львёнок и черепаха,
Море синее, большое.
За тех, кого любит волна-убийца!
За тех рыбаков, кто уходит в опасный путь!
За тех капитанов с их дебильной улыбкой!
Ребята, гребите отсюда!
Здесь, на суше, вам делать нечего.
Здесь, на суше, альтернативные факты.
Здесь, на суше, адвокат Фейкин.
Здесь, на суше, из таких как вы делают суши.

– Вы пьяны, молодой человек!

Не такой уж я и молодой,
Не такой уж я и человек!
Я — краб! Я — доктор Зойдберг!
Клешнями щёлк! Блюп-блюп-блюп!
Я видел, как накатывали цунами,
Унося в море советскую пионерию,
Собрать и разобрать автомат Калашникова,
Раз — и смыло волной
Ленинградский рок-клуб,
Московскую рок-лабораторию,
Два — и смыло другой
Хиппи с Гоголей, от Сайгона, с киевских Бермудов,
Портвейны «Агдам», винный напиток «Солнечный»,
Три — и унесло
Девочку с белыми волосами

Со станции Дзинтари,
Клюющую проволоку мордовского лагеря.
Я вперёд в это темное море
Без обычного страха гляжу,
По бульварам катаюсь на скорой
И довольно умело пизжу.

А те, кто на суше,
Те, кого не унесло,
Те, кто топчет прах,
Те, кто, как я, ходят вдоль кромки прибоя,
Собирают пластиковые бутылки,
Ракушки, стёклышки-камушки,
Сухие снаружи, дохлые внутри,
Я ЗА ВАС НЕ ПЬЮ!
Не отзываетесь вы ничем в душе моей!

– Молодой человек,
Мы сейчас полицию вызовем,
Бар закрывается,
Вы себя ведёте вызывающе!

Всё, всё, всё, ухожу, ухожу, ухожу,
Приблатнённой черноморской походкой
Ричи Блэкмор попиздил за водкой,
Шучу, шучу, шучу,
Мы, те, кто на суше,
Готовы выпить море, если Родина прикажет,
Какое оно есть, такое и высосем,
От Крыма до мыса Доброй Надежды,
От Биостанции МГУ до остатков Арала,
Не нужен нам берег турецкий,
Только реки отведите нах..,
Которые в нас впадают,
Домой меня не надо провожать,
Спасибо, сам дойду.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,
Зачем включил ты воки-токи,
Зачем ты паспорт просишь мой?

Товарищ милиционер,
То есть господин полицейский,
Я не шатаюсь — меня шатает!
Человек на 80% состоит из даров моря,
Крабы, осьминоги, мидии, морская капуста,
Москва — столица пяти морей,
Море, море, край бездонный,
Можно, я вас своими щупальцами обниму?
И если цель одна и в радости, и в горе,
То вот мой дом в пяти минутах, Ленинский, 666,
Лодку большую прадед наш
Решил построить для внуков,
Но в дело включились славные органы,
И он раскулачен был, сука.
Отставить макать Нептуна!

– Молодой человек, в машину садимся,
Не сопротивляемся при задержании!

[2018]

Лемур

Нет, я сейчас не пью, ну, то есть как,
Стараюсь не пить,
Ну, то есть, пью,
Просто меньше стараюсь пить,
Ну, я значительно меньше пью,
Да, так правильной сказать,
Потому что еще полгода назад
Выпивала полбутылки вискаря в день стопудово,
Приду с работы и хлоп!
Полбутылки вискаря, и спать!
А сейчас, ну, нет, я столько не пью,
Но, конечно, чтобы совсем не пить,
Чтобы совсем нулёвочка,
Не знаю, можно так вообще?
То есть, понимаешь, я же как,
Дело же не в том, что я пью или там не пью,
Просто я постоянно чувствую,
Как тебе объяснить,
Чувствую ежедневно тревожность эту,
Проснусь, а она со мной,
Она как будто рядом с кроватью сидит
На задних лапах и пялится на меня
Большими круглыми глазами,
Как лемур ебанутый такой, представь себе,
Лемур, блядь, тревожности моей,
По-английски anxiety называется,
По-немецки даже нет точного перевода,
Знаешь, есть слово Ängstlichkeit по-немецки,
Но оно не стопроцентно передает,
Короче, ты когда выпьешь,
То сразу пиздец облегчение,
Снимает эту хуйню,
Типа выпила ты, и спать пошёл твой лемур,
А у тебя отдых, химические, блядь, каникулы у тебя,
И вот это и есть причина алкотяги моей,
Что я пила-то столько в прошлом году,

Приду домой с работы и хлоп полбутыля вискаря,
Потому что с утра-то оно еще ничего,
А к вечеру так шарашит тревожностью,
Ты не поверишь,
Я всех уже заебала этой темой,
Тревожность, тревожность, тревожность,
Уже все заебались реально слушать меня,
Я полгода ни о чем другом говорить не могла,
А когда столько пьешь, то, конечно,
Само собой, социальная жизнь повреждается,
И хэнговер злоебучий по утрам,
Это замкнутый круг,
Сначала тревожность,
Потом ты пьёшь,
И сразу снимает эту хуйню,
Но привыкание же идёт,
И вскоре опять тревожность,
Ты пьёшь, а ни хуя не снимает,
И ты пьёшь больше,
Тогда снимает,
Но утром хэнговер,
И пиздец, ты попала,
Вот поэтому я и не пью,
Ну, то есть как,
Стараюсь не пить,
То есть, пью,
Просто меньше стараюсь пить,
Такие дела.
Тревожность, это как лемур такой домашний,
Только не ты его кормишь,
А как бы он тобой кормится,
Так что я говорю знаешь как,
Это как бы не я пью,
Это лемур мой тревожненький пьёт,
А я не пью.
Ну, как, стараюсь не пить.
Ну, то есть, значительно меньше пью,
Чем полгода назад.
Ну, да, немножко все же пью.

Да, давай выпьем,
Немножко только, хорошо?
Чуть-чуть вискаря,
И больше не надо.
Ну, может,
Только
Потом
Ещё
Чуть
Чуть.

[2019]

У меня от тебя зависимость

У меня от тебя зависимость, что само по себе и не ново.
Тьсомисиваз ябет то янем у — бессмысленный палиндром.
Может, я не успел сказать тебе самое нужное слово?
У меня от тебя зависимость, значит, будет абстинентный
синдром.

*Смотрите
видеовersion
на YouTube-
канале @poet.
delfinov*

Пополам согнулся от боли, заорал от разрыва.
Бросили кость собаке... Нет, это бросили крысе кость,
А она бормочет: «Спасибо! Большое спасибо!»
Просто у крысы — зависимость.

У меня от тебя зависимость, как у торчка от его отравы.
Ты приходишь ко мне — хохочу, бросаешь меня — лечу. Чу!
Причину такой мерехлюндии ищут британские мозгоправы.
У меня от тебя зависимость, мне, наверно, с утра нужно
было пойти к врачу,

А я пошёл в чат и давай стучать кнопками:

«Где ты? С кем ты?»

Архаичная древность — ревность, ярость, агрессия, злость.
А ты улыбаешься с соседней планеты, как звезда киноленты.
У меня от тебя — зависимость.

Но ты — ни при чём, ты не причина, а повод,
Это я сам целовал оголённый провод,
В запретной локации нюхнул цветущей акации
И лёг под капельницу для детоксикации.

А у меня от тебя зависимость, я завис на одной ноге головою
вниз,

Перекладина затрещала, сейчас порвётся верёвка,
Как будто острые пальцы вошли прямо в мозг — сюрприз! —
И что-то незаменимое оттуда изъяли ловко,
А в результате типа пришёл сам к себе в гости я
И продал грамм близости (её видимость),
Обратная сторона временного удовольствия —
У меня от тебя зависимость.

Симптомы известны — по кругу кружение, в сердце
жжение,

Тремор, тревога, бессонница, психомоторное возбуждение,
Снял броню, сел к огню, жарко старому пню, ню-ню-ню,
Нервы — миллион колокольчиков, сгорая, слегка звеню.

Но ты — ни при чём, ты не причина, а повод,
Это я грохотал, топотал за тобой как робот,
Королева не отвечает за проблемы феодального строя,
Так же как героин не виновен в передозировке героя.

[Январь 2025]

Трезвость

Раньше я жил — увижу, убью!
Держите — полгорода рухнет!
Раньше я пил, теперь я не пью
И тупо сижу на кухне.
Хлопну стакан и снова налью,
Гуляю, качаю окрестность,
Был вечно пьян, теперь я не пью —
Я переживаю трезвость.

Поверишь ли мне ты?
Поверишь ли мне ты?
Сто пятьдесят четвертый день
Чистоты.

Раньше я пел — не спеть соловью,
Играл на гармошке проходим.
Раньше я пил, теперь я не пью,
Я стал наконец хорошим.
«Бэби, летс дэнс! Камон! Ай лав ю!»
Была у девчонок известность.
Раньше был секс, теперь я не пью,
Я прохожу через трезвость.

Поверишь ли мне ты?
Поверишь ли мне ты?
Двести тридцать четвертый день
Чистоты.

Тихо в лесу и тихо в полях,
Ни звука нигде в целом мире.
Пух на весу, в баках голяк,
Сижу словно сыч в квартире.

*Слушайте
аудиоверсию
из альбома
„Спокойный”
проекта
„Поэт Дель-
финов и Дру-
зья”*

Был я нахал веселый, лихой,
Имел я и резкость, и дерзость.
Раньше бухал, теперь я сухой,
Меня накрывает трезвость.

Поверишь ли мне ты?
Поверишь ли мне ты?
Триста сорок девятый день
Чистоты.

[2019]

IV. ВСТРЕЧА В ТЕМНОТЕ

Марта и Кристина

Марта была проституткой. Она
Не выбирала — сложилось так уж.
Часто ей снилось, что чья-то жена,
Только не помнит, как вышла замуж.
В Гамбурге на улице Репербан
Недвижимость подорожала резко.
Марта решила подыскать соседку,
Чтобы, так сказать, разделить диван.
Денег всё меньше, а жить-то как?
Fuck!

Долго ей ждать не пришлось. По сети
Инфу друг другу легко нести нам!
Скрещаются жизненные пути —
К Марте вселилась в тот год Кристина.
Лет двадцать восемь, язык — огонь:
«Бэйба, если честно, то с детства в сексе я,
Секс-работа — это моя профессия!»
Жжёт как напалмом — её не тронь.
Бизнес как бизнес, под коксом кайф,
Драйв!

Быстро сдружились две женщины. Дом
Напополам — нараспашку души.
В клуб под названием «Диктерион»
Вместе устроились, там и служат.
Марта — тихоня, боится мужчин,
Весь этот секс для неё — обуза.
Кристина о важности профсоюза
Грузит, юзая амфетамин:
«Мы — активистки вдвоём с тобой!
В бой!»

Корчится время — бесконечный червь.
Слухи пошли по кварталу в марте:
Есть некий Драган, хорват или серб,
Крайне богат! (Так сказали Марте.)
В белом костюме, весь в золоте — трэш!
Что-то не то с ним — во гневе страшен,
По буйству может покалечить барышню,
Щедро, однако, плюсует кэш.
Демон готовит для алчных дев —
Death.

Как-то Кристина отправлялась в ночь,
Марта в тот вечер болела дома.
А за окошком шёл весенний дождь,
Слышались даже раскаты грома.
Утром распогодилось. Телефон
Вдруг затрещивал пилой по нервам.
Кристину видели с безумным сербом,
Или хорватом, да кто там он?
В общем, пропала. Менты молчат.
Ад.

Следствие тянулось, плелось весь год,
Вроде бы даже закрыли дело.
Без вести сгинула дева! Но вот
Идентифицировали тело.
Точнее, фрагменты. По ДНК.
Драгана взять не хватило духа —
Улик-то нету. Ну, убита шлюха,
Мало ли шлюх-то? Наверняка
В рот, ха-ха-ха, не хотела брать,
Б***ь.

Марта переехала жить в Берлин,
Не объяснив никому причину,
Там и секс-обслуживает мужчин.
Так и не может забыть Кристину.
Как-то поздним вечером в декабре

Мерзостная моросила влага.
Вдруг к Марте подъехал тот самый Драган,
Сидя в коричневом «Шевроле».
«Эй, продаётся твоя п***а?»
«Да».

Ехали недолго под злой музон —
Жёсткий, убойно-хардкорный хаус.
Прибыли в приватный безлюдный дом —
Модный дизайнерский таунхаус.
Мрачный мачо. Скучный и грубый секс.
Кто бы сказал, что так ляжет карта?
Сходить в туалет попросилась Марта.
В женщину словно вселился бес.
Вышла на кухню, схватила нож.
Дрожь.

Заснувший убийца похож на труп.
Лезвие с хрустом пронзает сердце.
Вздрыгнул, чуть подёргался... Поутру
Жутким покажется это место.
Долго Марта маялась, на куски
Жертву старательно расчлняя.
А кровь, растекаясь и застывая,
Снегом покрыла её виски.
...В куртке мужской шла она сквозь ночь
Прочь.

[2014]

Справедливый суд

*Слушайте
аудиоверсию
из альбома
„Спокойный”
проекта
„Поэт Дель-
финов и Дру-
зья”*

Расскажу тебе про справедливый суд.
Короче, как дело было?
Точка торчал, это все с Заводского знали,
И условный у него был, и сидел за торч,
А потом переломался и соскочил,
Кто говорил, через анонимных,
Кто — через какую-то секту якобы,
В общем, куда-то уехал на два месяца,
Вернулся — не узнать:
Лицо розовое, голос добрый, и не торчит!
И кто его на радио пригласил?
Это был 2008 год,
На городском радио передача
Про борьбу с наркотиками,
И позвали Точку как положительный пример,
И спрашивают: «Сергей,
Как побороть наркотики в нашем городе?»
А Точка в ответ: «Не знаю,
Но с торговлей у нас никто и не борется,
У нас торчков прессуют и торчков сажают,
А те, кто их прессует и сажает,
Мне кажется, они сами и получают выгоду!»
Вот такие слова Точка сказал.
Зря он их сказал.
Был на Заводском районе Дрюня,
Они с Точкой в один класс ходили,
В одном доме жили,
С детства друг друга знали,
Дрюня тоже торчал,
Да у нас легче было сказать, кто не торчал,
Такое было время.
И вот через неделю после той передачи
Дрюня звонит Точке и плачет:
«Серёж, а Серёж,
Очень болею, помоги взять!»
«Дрюнь, как я тебе помогу?»

«Серёж, а Серёж,
Ну, ты ж барыг знаешь всех,
Я тебе денег дам, ты возьми мне, а?»
«Дрюнь, а сам что?»
«Ни у кого нет, кого я знаю,
А ты цыганей знаешь, и с Центра тоже!
Помоги, Серёж!»
И уломал он Точку,
Взял Точка две тысячи рублей
И поехал за чеком,
И вот тут интересное:
Ничего он не взял,
Ничего ни у кого не было,
А Дрюня его должен ждать в сквере у рынка,
Выходит Точка из трамвая,
Проходит десять метров,
И раз — его под обе руки берут оперативники,
И тащат за угол, где у них тачка,
И обыскивают, находят две тысячи рублей!
«Где наркота, сука?»
Точка в себе уверен:
«Какая наркота? Нет ничего!»
«Мы знаем, у тебя наркота!»
И заталкивают Точку в тачку,
Везут в отдел,
И там его тупо пиздят четверо,
И заталкивают в карман вес,
И приговаривают:
«Ты диктором заделался, да?
Давай, у нас повыступаешь на радио!»
И везут его в СИЗО!
Точка ничего не подписывает,
Но тема такая:
Дрюня — свидетель обвинения,
И на суде даёт показания:
Точка, то есть Сергей Точинков,
28 лет, дважды судимый,
Взял у него две тысячи рублей,
Обещая продать героин,

И деньги типа меченые,
А Дрюня типа выходит как тайный агент
По борьбе с наркоторговлей!
И два полицейских дают показания,
Мол, задержали гражданина Точинкова,
При досмотре найдена смесь,
Содержащая героин — 2,6 грамма,
Особо крупный размер.
Прокуратура просит 8 лет лишения свободы,
Судья даёт 6 лет.
Но Точка не сдаётся,
И у него появляется адвокат из Москвы,
И они подают апелляцию,
Адвокат встречается с Дрюней,
А Дрюня плачет: «Я друга посадил!»
И рассказывает, что его приняли
В состоянии наркотического опьянения
И заперли на трое суток,
И на третьи сутки он на всё согласился,
Что деньги Точке даст,
И показания даст,
А теперь его совесть мучает.
И на втором суде Дрюня
От показаний своих отказывается!
И говорит как было всё!
Но суд это во внимание не принимает,
И Точка уезжает в колонию.
Адвокат подаёт во все суды,
Везде проигрывает и подаёт в ЕСПЧ,
И через 6 лет Точка приходит с зоны
С тубиком в открытой форме,
И через полгода умирает,
И ещё через полгода ЕСПЧ
Присуждает ему компенсацию 7 тысяч евро
За нарушение права на справедливый суд.
Вот так всё и было.
А Дрюня дальше жил на Заводском,
И сейчас там живёт,
Если не сторчался, конечно,

И сам не сел.
А деньги, кстати, выплатили,
Их мама Точки получила,
Очень адвокату благодарна была.

[15.06.2020]

Право на сон

В 2001 году я случайно
Переехал в Берлин
И вскоре поселился
На Томазиусштрассе.
Она названа в честь
Философа-гуманиста
Кристиана Томазиуса,
Жившего в XVII веке.

Среди его идей была и такая:
Будить кого-либо —
Преступление,
Оно должно быть
Запрещено законом.
У каждого человека
Есть неотъемлемое,
Естественное право
На сон.

Недавно я узнал,
Что в современной Германии
Существует движение людей,
Отстаивающих это право.
Они собираются на съезды,
Которые выглядят так:
Где-то в спокойном месте
Снимается помещение,
И там все спят сколько хотят,
Будить никого нельзя.

[2011-2026]

Сергеев был здесь

Сергеев только что был здесь,
Он вышел только что,
Осталась только красок смесь,
Осталось только то,
Что в этой краске голубой
И в этой, что желтей,
Что остается нам с тобой
От вышедших людей,
Остался лишь зеленый свет,
Волны морская взвесь,
А вот Сергеева здесь нет,
Хоть только что был здесь.
Здесь хохот был, как в шапито,
Здесь жизнь топила лёд.
Сергеев вышел только что
И больше не придёт.

[2019]

Что случилось с Осей?

«Что случилось с Осей? –
Мы тихонько спросим. –
Может, заболел он?
Или занят делом
Страшно важным?
Оттого
И не видим мы его?
Объяснение дашь нам?»

Объяснит вам переулок,
Там, где ветер ночью гулок,
Объяснит пустынный двор,
Где оборван разговор.

«Что же с нашим Осей? –
Мы ещё раз спросим. –
Может, на велосипед
Сел и прочь унёсся?
Или взял в кино билет
Наш любимый Ося?
Или на футбольный матч
Ускакал как круглый мяч?»

Пусть расскажет дверь в подъезде,
Что случилось в этом месте,
Пусть расскажет подворотня,
Что произошло сегодня.

Как раздался в дверь звонок,
Но пришли не гости,
И как скрипнул позвонок,
Затрещали кости,
Как дробями бьёт с утра
Равномерность шага,
И от острого пера
Порвалась бумага,

Как гудело бу-бу-бу
Коридорным эхом,
И куда, и почему
Ося наш уехал.

Объяснит огонь снежинок
За решёткою оконной,
Да расскажет сеть морщинок
На лице старухи сонной.

«Что случилось с Осей?» –
В пустоту мы спросим,
Глянем в тёмны воды,
Как уходят годы,
Время дышит —
Оттого
И не видим мы его.
Выжил он, не выжил?
Ося просто вышел.

[2021]

Лисица повторяет

«Необходимо помнить,
Что все мы
Крайне хрупкие существа», –
Говорит лиса.
«Хрупкие существа», –
Лиса повторяет.

«Закашлялся — и прилёт,
Накричишь на кого-то,
А никого уже нет», –
Говорит лиса.
«Никого уже нет», –
Лиса повторяет.

«Сашка, Сашка,
На пупке пряжка!
Шучу, шучу», –
Говорит лиса.
«Шучу, шучу», –
Лиса повторяет.

«Хорошо, сейчас в городах
Лис перестали преследовать,
Чего не скажешь о сельской местности», –
Говорит лиса.
«Да, о сельской местности этого не скажешь», –
Лиса повторяет.

«У знакомого волка прибаутка была:
Выпил — высох,
Чпокнул — крякнул», –
Говорит лиса.
«Я это не очень понимаю», –
Лиса добавляет.

«Необходимо помнить,
Что за хвост
Могут и прихватить», –
Подчёркивает лиса.
«Могут, могут и прихватить», –
Лиса повторяет.

«Сашка, Сашка,
В трусах букашка!
Шучу, шучу», –
Говорит лиса.
«В трусах букашка», –
Лиса повторяет.

«Представь, жизнь — это
Идёшь ты медленно через поле,
А лес тебе навстречу бежит», –
Говорит лиса.
«Лес тебе навстречу бежит, представляешь?» –
Лиса повторяет.

[23.01.2026]

А рядом ты

С утра всегда здороваюсь с тобой,
Ощупывая пол смущённым взглядом.
Прозрачен потолок над головой,
А рядом ты, которой нету рядом.
Тень выходного впереди видна,
Пустые ночи встали длинным рядом,
И день очередной допит до дна,
А рядом ты, которой нету рядом.
Со мною всё в порядке. Я такой,
Как тот, у мачты, слушающий пенёк.
В душе царит практически покой,
Хотя, теоретически, смятенье.
А за окном глазастый хищник — двор,
Он ждёт и знает: завтра буду я там.
Свет выключен. Ворочаюсь, как вор,
И рядом ты, которой нету рядом.

[11.02.2026]

Подходит

Собака подходит к кошке,
Тарелка подходит к чашке,
Сколько часов в кукушке,
Снайпер, скажи, чудак!
Ложь так подходит к ложке,
Дырка — к твоей рубашке,
К чёрной железной пушке
Белый подходит флаг,

Подходит, подходит, подходит,
Не подойдёт никак.

Пустышка подходит к фишке,
Стишок — к неизданной книжке,
Кошка подходит к мышке,
Пятится задом рак.
Снайпер подходит к вышке,
Белка — к кедровой шишке,
К солнечной страшной вспышке —
Алый подходит мак,

Подходит, подходит, подходит,
Не подойдёт никак.

[3.09.2022]

*Слушайте
аудиовер-
сию из аль-
бома «Лео-
пард»
проекта
«Федоров
Крутого-
лов»*

Вдоль реки

Когда я уйду вдоль реки
Погаснут во тьме огоньки
И что-то плеснёт вдруг во мраке
Когда я уйду вдоль реки

*Слушайте
аудиовер-
сию из аль-
бома «Лео-
nard»
проекта
«Федоров
Крутого-
лов»*

Когда я уйду вдоль реки
Останетесь вы далеки
Лишь где-то залают собаки
Когда я уйду вдоль реки

Останутся сонные страхи
Да щебет невидимой птахи
Останутся в поле круги
Останутся тайные знаки

Когда я уйду вдоль реки
Шаги мои будут легки
Не плачь о рассеянном прахе
Когда я уйду вдоль реки

[11.09.2022]

Встреча в темноте

ГОЛОС ВО ТЬМЕ:

«Здравствуйте садитесь
Мы начинаем наше представление
Свет сейчас погаснет
И воцарится тьма»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ:

Маленькая девочка
Плакала в темноте
Ей было лет 7-8
Она была совсем одна
«Что ты здесь делаешь?» –
Спросила Валентина Павловна
Девочка прекратила плакать
И пропела:

«Здесь двери нет здесь нет окна
Стена не видна во тьме
Я здесь одна я здесь одна
Никто не придёт ко мне
Попала сюда давным-давно
Вся жизнь как обрывок сна
Вокруг темно совсем темно
Я здесь совсем одна»

А темнота была столь густа
Что как говорится в таких случаях
Не разглядеть даже
Кончик собственного носа
«Как же ты сюда попала?» –
Спросила Валентина Павловна
Маленькая девочка всхлипнула
И пропела:

«Попала сюда я так давно
Не вспомню уже сама

Искала дверь искала окно
Но здесь только тьма и тьма
Сижу и плачу с тех пор во тьме
Не знаю пойти куда
Как будто застряла я в чьём-то сне
А ты моя мама да?»

Очень удивилась Валентина Павловна
Такого вопроса она не ожидала
Оглянулась по сторонам
Но ничего не было видно
«Нет я не твоя мама» –
Сказала Валентина Павловна
И шагнула вперёд
И протянула девочке руку

ГОЛОС В ТЕМНОТЕ:

«В этом месте стихотворение
Раздваивается
Читающим предоставляется
Возможность выбрать»

КОНЦОВКА #1

Девочка схватила Валентину Павловну
За руку и они вдвоём
Пошли искать выход из тьмы
И в конце концов увидели свет

КОНЦОВКА #2

Нижняя челюсть «девочки»
Отъехала вниз открывая ряды клыков
Она откусила протянутую руку
А затем сожрала всю Валентину Павловну

ГОЛОС ВО ТЬМЕ:

«Здесь есть и дверь и окно и стена
И дверь и окно и стена
Попала сюда ты совсем одна
И нет этой чаше дна

Налево пойдёшь направо пойдёшь
И правду найдёшь и ложь
А может и пропадёшь ни за грош
Испуганный нежный ёж»

[12.11.25]

У. ЛОРЕЛЕЯ

Бруклинский мост

«Зачем нам с тобой всё это нужно?» —
Говорит Гальпер.
«Что именно?» — спрашиваю я.
«Вот эти стихи, которые мы постоянно пишем
И которые никто не читает,
Что, за нами бегают прекрасные поклонницы? —
Гальпер поднимает правую руку. —
Нет! —
Он рубит ладонью воздух. —
Что, за нами бегают богатые издатели?
Нет!
Что, за нами бегают организаторы международных
гастролей?
Нет!
Я тебе скажу, кто за нами бегают,
За нами бегают геморрой и алкоголизм!»
Мы стоим на набережной
И смотрим на Бруклинский мост.
«Представляешь, у Маяковского есть стихотворение
Про Бруклинский мост, —
Грустно говорит Гальпер. —
Там сказано, что безработные
Отсюда в Гудзон кидались вниз головой.
Но Бруклинский мост идёт не через Гудзон,
А через Ист-Ривер,
И если бы безработные хотели
Прыгать с него именно в Гудзон,
Им бы пришлось сначала
Перелетать через весь Манхеттен».
«Да», — говорю я.

«Вот видишь», — говорит Гальпер.
Мы стоим и молчим.
Светит солнце.
В Нью-Йорке хороший, тёплый день.

[2020]

Жара

у нас рекордная жара
и жить на айсберге пора
но в океане тают льды
как знаешь ты
я съел картошки с огурцом
и отношения с отцом
решив обдумать сел на стул
как вдруг заснул
приснился мне живой отец
который крикнул: молодец!
хватай весло! гребь, Сашок!
и прыг в мешок
а я схватил мешок с отцом
и тут проснулся... сон с концом
дурацким — странная игра...
у нас — жара
рай для мокриц и мух лихих
и нет ответов никаких
хотя вопросы так просты
как знаешь ты

[30.06.25]

Ребёнок

Дом стоит многоэтажный,
А в песочнице малыш,
Отчего такой он страшный,
Что ты сам сейчас дрожишь?
Взял малыш свою лопатку,
Тычет с силою в песок,
Из-под рёбер под лопатку
Бьёт тебя холодный ток.

И так исчезающе тонок
Серебряный блик на виске,
Жестокий и жуткий ребёнок
Играет в железном песке.

Очень странный, очень страшный
Этот мальчик во дворе,
С невидимкой в рукопашной
Он сражается борьбе,
И ломает ветку с хрустом
Вдруг одним ударом он,
И на небо смотрит грустно
Ваш многоэтажный дом.

И так ускользающе звонок
Трамвай на вечерней заре,
Жестокий и жуткий ребёнок
Играет в весеннем дворе.

[...]

Дрож

Он был выше всех в классе минимум на одну голову,
А меня так на все три!
Он не был отличником, но получал хорошие отметки,
Я просил у него списать домашку.
Звали его Тихон Дрожжинов.
«Тихон — в жопу пихан», – кричали мы на большой
перемене.
«Дрожжин жир! Дрожжин жир!» – кричали мы.
Он почти всегда улыбался.
И почти никогда не отвечал.

Дрожжинов был самым высоким в классе,
Но отнюдь не был жирным,
Зато у него густо пушились усики,
И этим он явно отличался от всех.
«Дрожжинов, а на хую борода есть?!» –
Дразнил его Сева Лебедев,
Лучший спортсмен класса,
В раздевалке перед физкультурой.
«Дрожжинов, сними трусы! Покажи пипиську!» –
Кричали мы, а Дрожжинов улыбался.

Дрожали дрожжи, рождались Вселенные,
Планеты из фарша лепились охуенные,
Суп из астероидов, салат из комет,
Лучше на свете столовой нет.
Школьники входят на перемене,
Каждому порция звездных пельменей,
Есть вилка, есть ложка, не нужен нож,
Как вспомню, по телу дрож дрож дрож

Ему было трудно бегать,
Он задышался,
Отставал.
«Дрожжин жир! Дрожжин жир!» -- кричали мы.
Он не мог подтягиваться и просто висел,
Даже я подтягивался два раза!
А он просто повисал на пару секунд.
«Куль овса! – ругался физкультурник Клоп. –
Мешок костей! Как будешь Родину защищать?»
Дрожжинов не мог прыгать в высоту,
Просто сбивал перекладину,
Не мог прыгать в длину,
Просто пробегал по песку,
Мы улюлюкали, Клоп ругался,
И на всех-всех-всех других снарядах
Дрожжинов тоже ничего не мог показать.

У Дрожжинова была небольшая лысина,
Вообще у него было немного волос на голове,
В его теле словно жил чужой взрослый мужик,
А Дрожжинов только улыбался почти всегда,
И почти никогда не отвечал нам.
«Дай Дрожжину поджопник!» –
Сказал как-то мне Сева Лебедев.
Наша школа делилась на два корпуса,
Спортзал был во втором,
И мы всем классом переходили
По галерее, соединяющей здания,
А в хорошую погоду так и по улице.
Во время этого перехода
Было принято
Давать Дрожжинову поджопники.

От ужаса всегда, дружок, дрожи,
Пока живой, пока живешь и дышишь,
Забейся в щель и тихо там лежи,
Шаги все ближе, ближе, ты их слышишь,
Жердьяй по следу за тобой спешит,
Он чует запах бедного скитальца,
Ощупывает — кто же тут лежит?
И жесткие дрожат, как ветки, пальцы.
Жердьяй и сам на жуткий куст похож.
Лежи и жди, и слушай дрож дрож дрож

Дать Дрожжинову поджопник старался каждый,
Это стало рутинным ритуалом,
Когда переходили на физкультуру и обратно,
Девочки шли отдельной группой,
И Дрожжинов шел отдельно,
Стараясь оторваться от преследования,
Но мальчики каждый раз доводили Дрожжинова.
«Слышь, ты, жир, щас тебя доводить будем!» –
Хохотали мы, а в тот день
Я разбежался как-то особенно удачно
И со всей дури ебанул ему поджопник с правой ноги!
Удар вышел сильнее обычного,
Так что в тот день Дрожжинова
Довел именно я.

«Ыы!» – заревел разъяренный Дрожжинов,
Развернулся и погнался за мной, пытаюсь поймать.
Это и было главной целью доводки –
Чтобы Жир перестал улыбаться и молчать,
Слышь, ты, сними трусы и покажи, Жир!
Тихон — в жопу пихан, на хую волосы есть? Жир!
Дай списать домашку, не дашь? Лысый! Жир!
Дай Дрожжину поджопник, давай его доведем!
«Ыы!» – редела Вселенная, а тебе

Надо было убежать, оторваться от Дрожжинова,
Ты бежал и чувствовал сладкий кайф!
Если он догнал бы, схватил своими лапами и
Пихал кое-как кулаками,
А все бы хохотали, даже девочки!
Но Дрожжинов редко кого догонял,
Быстро уставал и задыхался,
И в этот миг кто-нибудь еще подбегал сзади
И давал ему второй поджопник!
Вечный кайф!

Он перестал реветь и вдруг — назад бегом,
И не пришел в тот день на физкультуру,
И не пришел на физику потом
(Физичку не любили, злую дуру).
С её урока отпросившись в туалет,
Я что напевал, на Юрия Лозу похожее,
Но в школе места встречи лучше нет —
Там, в туалете, повстречал я Дрожжинова.
Он у окна мычал... Я пригляделся... Что ж...
Он там всем телом дрож дрож дрож

Но был у Дрожжинова звёздный час — баскетбол!
Старые девочки-мальчики должны помнить:
В далекие семивосьмидесятые в клубе ЦСКА
Играл центральной Владимир Ткаченко, рост 220 см.,
Усы, челюсть квадратная, мрачный взгляд.
Ему было трудно бегать и прыгать,
Он просто тяжело шел, и все от него отваливались,
И он бросал и почти всегда попадал в кольцо!
Дрожжинов тяжело шел, и все от него отваливались,
И он бросал и почти всегда попадал в кольцо!
Но в баскетбол мы играли редко,
Чаще играли в пизданутую игру пионербол,
А там его таланты уже никак не проявлялись.

Жир! Жир! Жир! Жир!
Дай списать домашку!
Нам пипиську покажи!
Скушай промокашку!
Лысый! Лысый! Лысый!
Сам в трусы пописай!
Лапами меня не трожь,
Дрож дрож дрож

[2019]

Pain

В кельнском трамвае
Увидел мужчину
С татуированной головой.
Сзади на шее надпись:
Beauty is Pain.
Вышел из трамвая,
Вижу спортивный магазин.
В витрине — безголовый манекен-качок
В футболке с надписью:
No Pain No Power.

[2016-2026]

Мост

*Слушайте
аудиовер-
сию из аль-
бома «Лео-
пард»
проекта
«Федоров
Крутого-
лов»*

Там вдали таинственный мост
Неестественной кривизны,
По конструкции вроде прост,
Только нет другой стороны,
Светит свет словно с дальних звёзд,
Отпустила твоя беда,
Потому что это мост
В никуда.

Там контрольно-пропускной пункт,
Только неба над мостом нет,
Вроде, пара прошла секунд,
А как будто тысяча лет,
И никем не занят тот пост,
И внизу под ним не вода,
Потому что это мост
В никуда.

Непонятно, где вест, где ост,
Ты сама горишь, как звезда,
Потому что это мост
В никуда,

Потому что это мост
В никуда.

[28.12.2022]

Вода

Не знаю, сколько ещё нам осталось жить.
Ну, как ты там, где ты там в эти тревожные дни?
Арес, Фобос и Деймос готовы нас сокрушить,
А когда мы исчезнем, останутся только они,
И промаршируют по пеплу их звёздные сапоги,
И тьма ледяная выпучит дыры глаз,
Да только исчезнут подруги, любовники, умники и дураки,
И нас не останется, и не останется нас.
Сейчас вспоминаю тебя, сам не знаю по –
Чему-то полезло из памяти, как мы не –
Врубались, втыкали, въезжали, о чём я? О
Таком, что не выскажешь, разве увидишь во сне.
Войска продвигаются в ад, я бы взял свою
Шинель, если можно, и просто пошёл домой,
Там папа и мама сидят, я их так люблю,
И пёс там виляет хвостом, громко лает он.
Ну, где же ты? Где-то вдали. На краю земли,
Где океан заливаает черепаху и трёх слонов,
Хорошо, что смогли мы встретиться, жаль, не смогли
Слов подобрать, подобрать подходящих слов.
Как хороша была жизнь, и не будет другой,
Кому-то пора улетать, кому-то — идти ко дну.
Ты отпиваешь воды, и вкус её точно такой,
Когда диктатор твоей страны объявляет войну.

[2022]

Лорелея

Над всей Германией затянутые ватой,
С кровавой капельницей солнца небеса.
Диагноз — жизнь. Сифонит злой прохладой,
Окошко — настезь! В коридоре — голоса...
Возьми, как птицу, мышцу, медсестра,
Массируй сердце до утра.
Рейн поднимается, и кладбище размокло,
Поплыли мощи Нибелунгов по волне,
Углы — из-за угла, из окон — окна.
«А будет ли война?» — «Ни слова о войне!»
Увидишь Зигфрида — точней прицелься,
Боец, с вершины Драхенфельса.
Ко мне склоняется мой анестезиолог,
Мой доктор Локи, мол, к чему такой мандраж?
Дурман — по вене. Кайф! Но сон недолог,
А волны хлещут, заливая весь этаж,
И я кричу: «На помощь! Где же врач?»
Прочь! Босиком, по лужам, вскачь,
На улицу, в пижаме голубой больничной,
Но тут волною накрывает с головой,
И вязну я, тону во тьме черничной.
«Эй, кто-нибудь живой!» В ответ — лишь бури вой,
Да руку тянет синюю, жалея,
Не медсестра мне — Лорелея.

[15-18.02.2016]

VI. BACK TO THE USSR

Ровная жизнь

Жили ровно. Тому, кто не нравился нам —
Раскалённым железом по наглым губам,
Но таких было пара процентов,
А с годами их вывели всех за холмы,
И остались в низине одни только мы
Без сопутствующих диссидентов.
Жили гладко. У женщин — на кухне дела,
Или дома сиди, коли ты родила,
А мужчины дружили домами,
На рыбалку ходили весёлой гурьбой,
Занимались на выхах спортивной борьбой,
И алела заря над холмами.
Жили мирно. Ни ругани, ни толкотни,
Только тихие ночи да бодрые дни,
После рабы — простые молитвы.
Ели скромно, и пили без всяких прикрас,
Так что даже на праздник в низине у нас
Не добавили в воду бы спирт вы.
А холмы, становясь с каждым годом крупней,
Нависали над нашей деревней, и в ней
Появился невиданный нами
Паренёк, не похожий на всех мужиков.
Он сказал, что срослись костяки мертвяков,
И деревню задавит холмами.
Зашушукались бабы. Чихнул иерей.
Кто-то выкрикнул сзади: «А ты не еврей?»
Председатель завёл внедорожник
И пришельца под бок долбанул слегонца,
Тот и слёг перед всеми, во имя Отца,
Головою в сухой подорожник.
Наш кузнец, по обычаю, дал огоньку

И клещами потыркал язык пареньку,
Ибо в боли — закона охрана.
Дотащили бродягу до первых холмов,
Лишь песчаные змейки ползли меж домов,
И стемнело достаточно рано.

[14.05.2015]

Надо было что-то сказать

В новой школе меня завели в туалет
И сказали: «Ну чо, бля, стой!»
Пацан за базар свой даёт ответ,
Пацан не чувствует боль.
«Тебя будут пиздить, а ты не пизди!»
У кафельной стыл стены я,
И чёрное солнце в моей груди
Распустило щупальца ледяные.
Девять одноклассников передо мной
Встали ареопагом,
В грязных толчках колыхался гной,
Серой и смертью пах он.
И первый размахнулся — удар держи!
Ленин щурился на иконе.
Пацан умирает — пацан будет вечно жив!
(А тёлки — не люди, понял?)
И второй размахнулся — под рёбра трах!
Чуть назад оттянул плечо я.
Страх стремился мочою из в пах,
Хотя в целом был так, ничо я.
Размахнулся третий со словом: «Нна!» —
Засадил оплеуху — уй!
Замерцала кафелем, поплыла стена
С нацарапанным словом «ХУЙ».
И четвёртый пнул кулачищем в пуп,
И окно сжалось вдруг в оконце,
Пионерский галстук мой — душегуб,
Ну, а в брюхе — чёрное солнце.
Замахнулся пятый — но смягчил тычок,
Лишь толкнув, не ударив. За
Краями зрения забурлил толчок,
Кап — коричневая слеза.
И вот интересный момент — я ведь молчал.
Дышал, пыхтел, даже не кричал — молчал.
Нет, ну, кричать и нельзя было — надо было молчать.
Это простой ритуал — тебя бьют, но нельзя отвечать.

*Смотрите
видеовер-
сию на
YouTube-
канале
@poet.
delfinov*

Их было девять (но пятый смягчил удар).
Надо было что-то сказать, но я молчал.
И шестой размахнулся, и седьмой, и восьмой,
И тот день я из школы не пришёл домой,
А точнее, пришёл, но кто-то другой,
Пацан с толчковой головой.
(А когда девятый треснул в лоб — ложись,
Ноги словно набиты ватой.)
Девять демонов ходят всю жизнь со мной,
Потому что я сам — десятый.
Потому что я сам через год в туалет
Новичка в очках заводил,
Говорил ему: «Стой!» – и спасенья нет,
И я бил его, бил его, бил его,
Бил его, бил его, бил его,
Бил его, бил его,
Бил.

[29.06.2017]

Группировки

Когда на районе сформировались преступные группировки,
Димастый сразу стал пользоваться авторитетом,
Он с юных лет был первым по физподготовке,
По боксу имел разряд и умело владел кастетом.
Встречались сначала в подвале на улице Коммунаров,
Качались, а после курили с улыбкою на лице,
Тогда ещё не было толком ни ресторанов, ни баров,
И никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

Когда пацаны поднимали первые реальные бабки,
Димастый проявил способности к математике,
Он не носил костюм, предпочитая треники и рваные тапки,
Зимой ходил по району в ушанке и ватнике,
А группировка росла, пацаны покупали хаты и тачки,
Переехали из качалки в офис на трамвайном кольце,
Работали чётко, не оставляя улик, не поря горячки,
И никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

Когда соседская группировка по беспределу забила стрелку,
Димастый взял свой кастет и руку держал в кармане,
Но побазарили мирно и заключили сделку,
Что и отметили в шикарнейшем ресторане.
Как раз начиналась весна, шёл шашлык хорошо под белую,
О Димастом все думали, как о родном отце,
Что касается дела — каждый болел за дело, и —
И никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

Когда Лёху Кислого ёбнули и бросили под пилоны
Дома на ножках, того, что рядом с вокзалом,
Группировкой впервые всерьёз заинтересовались погоны,
Димастого вызывали в УБОП, он беседовал с генералом,
То есть было тогда со стороны органов уважение,
Потому что держали полгорода, как яйцо в ларце,
На районе царил порядок, не мельтешение,
И никто не задумывался о неминуемом пиздеце.
Ну, а Лёха Кислый был в группировке главный
по безопасности,

И постепенно Димастый подозревать стал всех
В претензии на единоличную власть.
И в порыве властности
Сам провалился в омут разнообразных утех:
Кокаин под вискарь, обнажённые псевдодевушечницы,
Стрельба с вертолѐта, словно истина есть в свинце,
Пацаны удивлялись, да только чесали пенисы,
И никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

В тот год шли выборы мэра, район был обклеен листовками,
И как-то Димастый собрал самых верных солдат,
Мрачно обвѐл всех взглядом, как будто двумя винтовками,
И молвил: «Нам нужен собственный кандидат».
Его-то и выдвинули. Оформили общественное движение
«Народно-патриотический центр» (в сокращении НПЦ),
У некоторых пацанов в душе наметилось лёгкое жжение,
Но никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

Потратили денег на это столько, сколько ещё не тратили:
Только наружки повесили в городе 48 щитов,
На плакате Димастый и надпись: «Уважаемые избиратели!
Вопросы народа конкретно решать готов!»
Дали пресс-конференцию, устроили праздник на улице,
Но за неделю до выборов в загородном дворце
Димастого принял спецназ. Казалось бы, надо задуматься,
Но никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

Под вечер в СИЗО под конвоем ушёл Димастый,
А утром — новости: «Обнаружен в камере...». Дело дивное!
Официальное заключение — повесился на лампасах,
Оторванных от своих же штанов спортивных.
Похороны Димастого показали на телеэкране:
Народу под тыщу, бородатый с кадилом из РПЦ.
Пацаны на поминках налимонились в ресторане,
Но никто не задумывался о неминуемом пиздеце.

По разному судьбы сложились у тех, кто был в группировке.
Костя Чернявый хапнул в сердце заточенный штырь,
Лысый Мишата сторчался — не рассчитал дозировки,

А жирный Тырыщенко, по слухам, ушёл в монастырь.
Дела эти древние. На районе забыли Димастого,
Город теперь под ментами. Что тут добавишь в конце?
Выборы мэра отменили за их совершенной ненужностью,
И никто не задумывается о неминуемом пиздеце.

[2018]

Поэт Евгений Евтушенко

Поэт Евгений Евтушенко
Идёт на сцену к микрофону,
Огромный зал затих мгновенно,
Как будто тигр перед прыжком,
Сейчас начнётся выступленье!
Сначала что-то для разгону,
Потом ещё стихотворенье,
Ещё, ещё — и стадион

Захватит мощною волною
Горючей и гремучей смеси,
Запахнет ветром и весною,
Ударит дерзостный глагол —
Долой проклятых бюрократов,
Долой наследие репрессий,
Вот это дух шестидесятых,
Вот это будет рок-н-ролл!

А в небе пролетает спутник,
Июльский дождь стучит по крышам,
И никого мы не осудим,
И слово каждое поймём —
Вот справедливая оценка,
Мы в тишине сидим, не дышим.
Поэт Евгений Евтушенко
Глядит на серый микрофон.

«Со мною вот что происходит, —
Сейчас начнёт он стих чеканный. —
Ко мне мой старый друг не ходит...».
И воздух заискрится вдруг!
Один момент перед началом
Такой томительно-желанный,
Скорей бы что-то прочитал он,

Мы все внимание и слух.
Жизнь будет долгой и счастливой,
Как пресловутая нетленка,
От Братской ГЭС и до Карибов,
И танки в Праге не пройдут.
Всё это сказочное время
Поэт Евгений Евтушенко
Стоит один на страшной сцене,
И стадион гигантский пуст.

[18.07.2020]

Беспечные ездоки

Памяти Эда Нестеренко из группы «Петля Нестерова» и других невидимых героев советского андеграунда

Эд впервые услышал Beatles и Rolling Stones,
Когда ему было 14, где-то в 77-м.
И закутились бобины, и годы пошли, как поезд,
И струны натягивались колком.
В кружок электрогитары записался в дом пионеров,
Сам подбирал аккорды и ныл кое-как им вслед,
А у метро в стоячке за 15 копеек эклеров
Пару любил купить и тут же сжевать их Эд.

Эд научился петь и аккомпанировать в 79-м
И хрипло орал: «Light my fire!», у Ирки присев на диван,
А после попался с гитарой в лапы чужим ребятам.
Гитару сломали. Наши вторглись в Афганистан.
В то время, конечно, никто не использовал слова
«вторглись»,
Тогда называлось это «ограниченный контингент».
В тот год продуктов хватало в целом с достатком в городе.
В восьмидесятом школу закончил Эд.

Эд отрастил себе хаер, утюг толкнул ему джинсы
(Пришлось зарабатывать грузчиком — пот протёк между
строк).

Он познакомился с Сэнди, и тот ему дал Sex Pistols,
Сказавши при этом: «Лабух! Послушай-ка ты панк-рок».
А Сэнди в то лето за пьянку погнали из музучилища,
И чуваки решили вместе создать свой бэнд.
Туса попёрла, как танк, и небывалую силищу
Так и почуял до этого скромный Эд.

Эд раздобыл по наводке у старого гитарного мастера
Тяжёлый поддельный Fender с поддельной педалью Fuzz,

А Сэнди пробил им репточку в подвале ДК Автотранса.
Не просыпаясь, ворочался стареющий Советский Союз.
Группу назвали «ВИAtles», хотя какая там группа?
«Худсовет приглашает на сцену электрогитарный дуэт!»
Играть перед худсоветом было довольно тупо,
Но ради дела эмоции научился сдерживать Эд.

Эд познакомился с Кэт на сейшене в ДК Автотранса,
У Кэт были длинные волосы и косяки с травой,
Двинулись в Крым автостопом, их принимала трасса,
И мак на обочине красной покачивал головой.
В Гурзуфе на пляже ночью им встретились харьковчане,
Эда мочили ногами, аж вспыхивал в почках свет,
А Кэт оттащили во мрак, и как она там кричала,
Слушал, слушал, слушал и кровью плевался Эд.

Эд у хайрастых с неделю отлёживался в палатке.
«Герла-то твоя свалила... Совсем безмазовый лайф?
Хочешь вмазаться, бразер?» – спросил его кто-то как-то,
А если такая маза, то надо ловить свой кайф.
Прикольная группа Madness — на средних волнах рокешник,
Не задаёшь вопросов — не ждёшь никакой ответ.
Домой он вернулся подсевший, сразу же умер Брежнев,
Но смерти товарища Брежнева почти не заметил Эд.

Эда ломало, но мало, и ко второму снегу
Он отошёл от «чёрной» и стал как огурчик свеж,
Подстригся, с утра отжимался и даже увлёкся бегом,
Но как-то встретился с Сэнди, и тот ему дал The Clash.
Что эта музыка делала? Будто менялось тело!
Ты сам — звезда рок-н-ролла! Ты — музыкант и поэт!
Душа отрывалась, летела, а сердце скрипело, но пело!
Первую песню придумал в ту зябкую зиму Эд.

Эд снова встречался с Ирккой, а Ирка запанковала:
Косуха-кожзам в заклёпках, подведённые чёрным глаза.
Иркина мама, учительница, крайне запаниковала.

«Не волнуйтесь, Елена Марковна, мы женимся», – Эд сказал.
На неформальной свадьбе все набухались адски,
Но не было даже драки, в трубу не стучал сосед.
А время было суровое, искусствоведы в штатском
Так и шныряли повсюду, но их не боялся Эд.

Эд и Сэнди сменили название своей группы
На «Чёрно-белую кошку» и дали подпольный концерт,
Поскольку в Советском Союзе отсутствовали ночные клубы,
Это было в какой-то школе, лишённой примечательных черт.
Народу набилась масса! «Ну, мы им сейчас устроим!» –
Сэнди глаза подкрасил, завернулся в клетчатый плед...
В тот год на Дальнем Востоке сбили корейский «Боинг»,
А у фарцовщика куртку купил из вельвета Эд.

Эд и Сэнди забили запись в студии ДК Автотранса,
Неделю писали все песни, сняв саунд у The Smiths и
The Cure,
Альбом под названием «Крыша» получился довольно
классный,
А Ирка, послушав, сказала: «Знаешь, я беременна, Мур».
(Были у них друг для друга прозвища: Мур и Детка,
Прохожие оборачивались, порой чертыхались им вслед.)
Минули девять месяцев, на свет появилась Светка,
И чувствовал просветление нерелигиозный Эд.

Эд встречался на Пушкине с менеджером подпольных концертов,
Тот шастал в клешах лиловых и бархатном пиджаке,
С ним пункер в косухе набыченный, представился просто
Бертом,
Как стало известно впоследствии, Берт шлялся с ножом в
сапоге.

Базарили ровно. А небо — чисто синее знамя...
Вдруг к ним подходят четверо, как близнецы средних лет:
«Граждане, что за сборище? Проследуйте вслед за нами!».
Так в первый раз за внешность задержан был модный Эд.

Эд, Манагер и Берт прошли в ближайшее отделение,
И там состоялся типичный воспитательный разговор.
«Вы же советская молодёжь! Ну, что за буржуазное
поведение?» –

Спрашивал риторически пожилой, но бодрый майор.
Примерно через неделю в Москве потеплело резко.
Слухи ползли: в Афгане всё больше серьезных бед.
Утром из почтового ящика Ирка достала повестку:
С паспортом к военкому явиться был должен Эд.

Эд не желал идти в армию, желал быть звездой рок-н-ролла,
Пришёл к военкому в халате, везя на веревочке танк.
Того ли, как говорится, желали семья и школа?
Он закосил в дурдоме, как всякий нормальный панк,
А вышел оттуда снова, когда тополиным пухом
Засыпало древний город, как снегом в траве скелет.
С Иркой и Светкой и Сэнди, их самым лучшим другом,
На Гаую двинул стопом веселый и бодрый Эд.

Эд не заметил, как помер Андропов, а вслед — Черненко,
Сейшен за сейшеном — группа теперь их имела вес,
Ирка на бэк-вокале, у бабушки с дедушкой Светка,
А Сэнди выбрил башку и поставил себе ирокез.
Что-то пошло не так. Комсомольцы их больше не трогали,
Напротив — со всем уважением позвали на культурный
совет.

И новый магнитоальбом в тот год, когда ебануло в
Чернобыле,
Через студии звукозаписи продавать попробовал Эд.

Долго ли дело, коротко ли, но вот появились деньги,
А клип на их главную песню показала программа «Взгляд».
Прошлись по всему Союзу с гастроями Эд и Сэнди.
У кого-то война во Вьетнаме, у нас Тактабазарский отряд.
В 1990-м играли на стадионе,
Народу — тысяч под сорок, всё в качестве — звук и свет,
Но после концерта в номере Сэнди вдруг взял и помер.

Коньяк и пять пачек снотворного — узнал на следствии Эд.

Ирка сказала: «Слушай, ты нравишься мне по-прежнему,
Ты, в общем, парень хороший, хотя и долбишь коноплю,
И песни твои талантливы, и мы угорали бешено,
Прости, но признаюсь честно — я больше тебя не люблю».
А город, как жуткий корабль, плыл по великой Лете,
И август давил на плечи, и в голову лез всякий бред.
Потом была революция. «Убейте меня, убейте», –
Шептал никому в отчаянии на баррикадах Эд.

Их старые песни всё так же крутили по всем каналам,
Но новые не сочинялись. Чесался от кокса нос.
Оставшись один в квартире, Эд забухал сначала,
А после совсем поехал, поплыл и пошёл вразнос.
Однажды по пьяни в клубе схлестнулся с крутым бандосом,
Почувствовал нож у горла и вдруг засмеялся: «Берт!»
«Вот встреча так встреча, братишка!» –
сказал бывший панк хриплым голосом.
Под утро на мотоцикле с Бертом умчался Эд.

Пылает заря над городом, летят ездоки беспечные,
Ревёт по-медвежьи двигатель, и жизнь свистит за спиной...
Не удержав управление, Берт вылетел вдруг на встречную,
И вспыхнули звезды яркие, и тут же сменились тьмой.
...Кому-то эта история покажется чушью редкой,
А кто-то с усмешкой скажет: «Да, лажанул поэт».
Но я от знакомых слышал, что рэп записала Светка,
И посвятила Эду свой первый сольный концерт.

[2021]

Только не ты

Во всём виноват патриархат,
Но только не ты.
Во всём виноват гастарбайтер Фархат,
Но только не ты.
Во всём виноват непропитый курс,
Но только не ты.
Во всём виноват выработанный ресурс,
Но только не ты.
Во всём виновата генетика,
Медицинская герменевтика,
Царящая всюду эклектика,
Постмодернистская этика,
Выбросы парниковых газов,
Партия боевых пидарасов,
Поднявший без повода шум клерк,
Марк Цукерберг, Грета Тунберг,
Орущие в мае коты —
Но только не ты.

Когда наступила расплата,
Ползли мертвецы из палат,
А ты-то не виновата,
А ты-то не виноват.

Во всём виновата плачущая Ярославна,
Но только не ты.
Во всём виновата твоя детская травма,
Но только не ты.
Во всём виновата плохая карма (викарма),
Но только не ты.
Во всём виновата биг фарма (кошмар, да?),
Но только не ты.
Во всём виновата плохая хореография,
Проституция, порнография, наркомафия,

Фашисты, коммунисты, капиталисты,
Глисты, подписные листы, поп-артисты,
Попы, папарацци, голые попы,
Бар «У Барбары» по дороге с работы,
Троллейбус, который шёл на восток,
Мастурбация, рейс в Моздок, ВИА «Кровосток»,
Путин, Хуютин, моча с высоты —
Но только не ты.

Когда стала чаша мала та,
Подставил ведро Пилат,
А ты-то не виновата,
А ты-то не виноват.

А мы-то не виноваты, что пляшем под аты-баты,
А мы-то не виноваты, что из-под купола ёбнулись акробаты,
А мы-то не виноваты, что правят страную гады,
А мы-то не виноваты, помочь вам были бы рады,
Да у нас у самих хватает забот, борщ, макароны, компот,
Восьмое марта и новый год, глубинный народ,
Государственный переворот слева направо и наоборот,
Два сильных выдоха рот в рот,
Прямой массаж сердца, не могу согреться,
Лицо в остатках салата, уберите этого поца,
Хорошо ебётся, но маленькая зарплата,
Всё видно из-под халатика, в бассейне не дала Ване я,
Воркшоп «От первого газлайтинга до последнего
обесценивания»,

Ах, хорошо бы жить здесь и сейчас всем нам,
То, что считалось обценным, оказалось наиболее ценным,
Но всё промелькнуло, и вот я — пыль, трава — ты,
Но чем же мы виноваты?
Мы же не виноваты?!

Во всём виноват искусственный интеллект,
Но только не я.
Во всём виноват выступающий в качестве объекта субъект,

Но только не я.
Во всём виновата социальная страта,
Но только не я.
Во всём виновата мышь та или гора та,
Но только не я.
Во всём виноваты РИА «Новости», «Коммерсант» и
«Ведомости»,

Но только не я.
Во всём виноваты ваши гонорарные ведомости,
Но только не я.
Во всём виновато общество потребления,
Но только не я.
Во всём виновато хилое качество данного стихотворения,
Но только не я!

Тут авторка выпила яда,
И автор с ней выпил яд,
А я-то не виновата!
А я-то не виноват!

- Подсудимая, вы признаёте свою вину?
- Не виноватая я!
- Ребята, это вы положили в вино ваты?
- Мы не виноваты!
- Смирнов! Ты накачал нам говен?
- Я невиновен.
- Ваш вывод, доктор? А то трещит голова-то!
- КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВИНОВАТО!

А мы с вами пойдём по домам,
Радуясь этим мудрым словам.

[10.08.2021]

Чудовищная ошибка

Сияло солнышко, дул ветерок,
Мерцали цветов оттенки,
Тюремщики вежливо ткнули в бок
И нежно поставили к стенке.
И пуля жужжит как пчела,
И бледная тает улыбка.
Товарищ Сталин, произошла
Чудовищная ошибка.

Работал телек, и чайник кипел,
Где противогаз? Скорей-ка...
Среди неподвижно застывших тел
Чирикала канарейка.
Ни города нет, ни села,
Реальность, товарищи, зыбка.
Товарищ Сталин, произошла
Чудовищная ошибка.

– Хлестнула вдруг с пеной из кружки тьма,
Сейчас захлебнётся, спасите, пожалуйста, нас опять!..
– Откройте полное собрание А.С. Пушкина,
Том восемь, страница сто двадцать пять.

«Поставьте галочку, подпись, число,
Всё будет отлично точно!»
Нас будто лавиной с горы снесло,
Дышала сыростью почва.
Язык мой стал хрупче стекла,
На горле порез, всё липко.
Товарищ Сталин, произошла
Чудовищная ошибка.

[2024-2026]

Back to the USSR

Шёл, споткнулся, потрянул волосами,
Вежливо рыкнул: «Excuse me, sir!» –
Вдруг потемнело перед глазами,
Я провалился в СССР.

Встал, качнулся, гляжу на плакаты –
Слышу в ушах неприятный звон.
Улица Ленина! Суки! Гады!

Белые буквы да красный фон!

Оглянулся. Заметят прохожие
Парня в одежде грядущих лет?
Вот постовой на меня, похоже,
Пялится хмуро... а вроде, нет....
Мчит автобус «ЛиАЗ» по маршруту,
Тётка в тени продаёт пломбир.
Значит, я в прошлом отныне буду
Жить, наблюдая ушедший мир.
Нет прописки. Отсутствует паспорт.
На постаменте торчит Ильич.
Владивосток, Прибалтика, Каспий –
Всюду катается странный бич.
Жрёт, бухает, стареет и бредит,
Мол, распадётся в куски страна,
И перессорятся все соседи,
И с Украиною ждёт война.

[21.05.2015]

VII. ВОЗМОЖНОСТЬ ВОССТАНОВИТЬСЯ

Маленький трубочист

*Смотрите
видео на
трек из
альбома
„Блэйк“
проекта
„Фёдоров
Кругоголов“*

Из Уильяма Блейка

Когда умерла моя мать, я был мал,
Отец меня продал, я слов-то не знал,
С тех пор горько плачу и муки терплю,
И трубы вам чищу, и в саже я сплю.

И маленький Томас рыдал без конца,
Он наголо выбрит, как будто овца.
Сказал я: «Не плачь, что ты беден и бос,
Зато не испачкаешь светлых волос».

В ночной тишине успокоился Том,
Заснул он и видит таинственный сон,
Там тысячи тел холодеют впотьмах,
Лежат трубочисты в закрытых гробах,

И Ангел спускается к ним из-за туч,
Гробы отворяет пылающий ключ,
Над чистой рекою звенит детский смех,
И солнечный луч освещает их всех.

Отмыты от сажи, мальчишки блестят,
И с ветром играют, и в небе летят.
И Ангел шепнул: «Будешь, Том, молодцом,
Господь твоим любящим станет отцом!»

Встаём до рассвета мы все, как и Том,
И щётки с мешками для сажи берём,

Хоть утром мороз, да согреет нас пот,
До смерти трудись, и спасенье придёт.

[Оригинал: 1789; перевод: 2020]

Все теракты и войны просто не смогут произойти,
И вы станете абсолютно спокойны.

Но слышишь, грохочут полицейские сапоги
В той стране, где полиция опаснее, чем бандиты,
И ракеты снова запущены (Господи, только не попади!),
И дядьки в костюмах делят наш мир, гляди!..

Ты
Смотришь в глаза мне, смотришь в мои глаза,
Ты берёшь меня за руку. Сердце колотит тише.
Я сказал всё что можно. Я ничего не сказал.
Дождь шелестит по крыше.
Звёзды мерцают — выше.

[31.01.2026]

Чем угостить девушек

Он к нам у метро подошёл,
Мы с Ленкой встретились как раз
И стояли, думали, в центр, что ли, поехать,
А чего там делать? Лето, жара.
В общем, стояли такие, курили у метро,
Тогда у метро можно было курить,
Ну, когда, давно, очень давно,
Тридцать лет тому назад почти.
Стоим мы с Ленкой, значит, курим,
Народ в метро, из метро, туда, сюда,
И тут подходит симпатичный парень,
Обычный такой, в белой футболке, в джинсах
Ну, может, лет на пять постарше,
И говорит: «Здравствуйте, девушки!»
И улыбается, и мы сразу разговорились.
Я не знаю, как так вышло,
Но мы уже с ним втроём стоим, курим,
Болтаем, а он очень смешил нас, шутил,
А потом говорит: «Слушайте, а пошли ко мне?
Я вон в том доме живу!»
И показывает на блочную 12-этажку
С розовыми лоджиями.
Мы с Ленкой переглянулись. А что? Пошли.
И шли, смеялись, и в подъезд вошли, смеялись,
И на третий этаж зашли, смеялись,
А когда дверь в квартиру захлопнулась,
У него так резко улыбка с лица сошла
И он вдруг спокойно говорит,
Холодным тоном, как бы деловым:
«Так, а сейчас вы разденетесь».
Я сначала не поняла, вроде, тоже шутка?
А у него как будто чёрные лучи из глаз:
«Сейчас вы разденетесь, ясно, нет?»

Тут Ленка говорит:
«Что? Ты сдурел? Я не буду тут раздеваться!»
А он ей раз по лицу! Сильную оплеуху дал:
«Будешь! И не кричи — не услышит никто!»
Ленка заплакала, он опять говорит:
«Раздевайтесь!»
А у него там кровать большая в комнате,
На стене плакат плэйбой с голой моделью,
Кресла какие-то ободранные,
Странная обстановочка.
Я ему улыбаюсь и говорю:
«Хорошо, мы можем раздеться,
Но мы же не можем просто так раздеться».
Он говорит: «А что вам надо?»
Я ему ещё слаще улыбаюсь:
«Ну, придумай, чем угостить девушек!»
Он такой: «Ну, могу сходить выпить взять».
«Отлично, — говорю ему. — Давай выпьем!»
«Амаретто возьму и шоколадку», — он говорит
И действительно уходит, но дверь
Запирает с другой стороны,
А изнутри нельзя открыть, нужен второй ключ!
Ленка мне кричит: «Ты что, дура, пить с ним будешь?!»
Я говорю: «Это ты дура,
Давай инструмент искать,
Дверь ломать!»
Всё обыскали, но у него продумано:
Ни ножей, ни вилок, ни инструментов никаких.
Вышли на лоджию,
Там деревья, кусты внизу, но прыгать высоко.
Ленка посмотрела и предлагает:
«Давай, я слезу на второй этаж и позову на помощь!»
«А как ты слезешь?»
«А ты меня поддержишь, я и запрыгну!»
То есть мы реально не знали что делать,
И так сделали: Ленка полезла вниз,

Она полегче была чем я,
А я её за руки держу,
И вот она перелезла через край
И раз! Повисла у меня на руках.
«Качни меня, – кричит, – я запрыгну!»
А я её еле держу, куда там качнуть!
И это вот самое ужасное,
Что со мной в жизни было:
Я, короче, Ленку за руки держу,
А она висит с третьего этажа
И в глаза мне смотрит,
И я понимаю, что не удержу,
А она мне уже не кричит, а хрипит:
«Вытягивай меня!»
А я чувствую — её руки у меня выскользывают,
И она вниз летит,
И всё это время в глаза мне смотрит.
И Ленка упала вниз.
И тут меня сзади тащит в комнату этот парень,
Вернулся от метро с амаретто и шоколадками.
«Вы что сделали?» – шипит на меня.
А я ему тихо так:
«У тебя под окном человек лежит,
А ну, давай, выпускай меня,
Скорую вызывай!»
Он на лоджию метнулся,
Вниз поглядел, вернулся и шипит:
«Я тебя выпущу, если скажешь кому,
Найду и убью!»
И выпустил.
И я вниз побежала,
И скорую сама вызвала из телефона-автомата,
И скорая приехала,
Ленку увезли,
Она обе ноги сломала, но жива осталась.
И мы как-то с ней что-то соврали,

Но никому так и не сказали,
Что с нами было.
И Ленка вылечилась,
Но дружить со мной перестала потом.
А может, это я перестала.
Не могла забыть,
Как она вниз падала и в глаза мне смотрела,
Вот это бессилие своё не могу забыть,
И Ленка всё падает, падает с третьего этажа,
А я всё смотрю, смотрю,
Как в замедленной съёмке.

[14.06.2020]

Свобода

Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Чтобы он ей не лез в глаза.

Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Чтобы его наказать.

Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Что-то перехватило горло.

Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Вот здорово!

Ведь это свобода, возразил тут что бы ты?
Да, это свобода, плохой опыт тоже опыт.
Вот, это свобода, не сразил сам зло бы ты?
Всё, это свобода, какой тебе нужен довод?

Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Что же он лезет и колет?
Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
А секунда как сто лет.
Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
А череп сверлят мелкие свёрла.
Отфрендила и чат в телеграме стёрла,
Что за вздор-то?

Ведь это свобода, свари пиво без солода.
Да, это свобода, хотя и голод, и холод.
Вот, это свобода, долби камень без молота.
Всё, это свобода, какой тебе нужен довод?

А вся комната им наполнена, весь дом полон,
Легла, спать не может — он как под боком,
За окном — он, потолок — он, стул — он, стол — он,
Взяла бы да удавила, но некого.
«Но это пройдёт, — она говорит себе, — пройдёт это,

Проходит осень, проходят зима, весна, лето,
И это скоро пройдёт, а даже если не скоро, то
Я ведь и отфрендил его, и чат в телеграме стёрла».

Отфрендил и чат в телеграме стёрла,
Отфрендил и чат в телеграме стёрла,
Отфрендил и чат в телеграме стёрла,
Что-то перехватило горло.

Ведь это свобода, возразил тут что бы ты?
Да, это свобода, плохой опыт тоже опыт.
Вот, это свобода, не сразил сам зло бы ты?
Всё, это свобода, какой тебе нужен довод?

[20.11.2021]

Давай поедем на море

Давай поедем на море,
Пока ещё летают пассажирские самолёты,
Пока ещё можно снять комнату
Где-то на берегу,
В одном из тех маленьких городков,
Где на второй день с тобой уже
Здороваются в магазине и кафе,
А к концу недели такое чувство:
Ты словно всегда там жил,
Но тут, как правило, пора уезжать,
Так что по-настоящему пожить там,
Слава Богине, не успеваешь.

Давай поедем на море,
Чтобы ходить в обнимку, смотреть на волны,
Лазить на скалы, фотографировать
И фотографироваться, и хохотать,
Обязательно хохотать,
И болтать, и обязательно
Приглашаю вас на ужин,
Ничего себе цены на морепродукты,
Если бы у нас были такие цены,
Мы бы ели одни только морепродукты,
Какое ты хочешь вино?
Спасибо, только воду!
Очень вкусно,
Хотя к концу недели
Морепродукты начинают надоедать,
Но тут, как правило, пора уезжать.

Давай поедем к морю,
Чтобы забыть про доплату за электричество,
Про назначенное время к врачу
(Два разных врача — два разных мнения),

Про истекающий срок ВНЖ
Про налоговую декларацию,
Про пока ещё не грозящее увольнение
И про тот дедлайн, и про те похороны,
Забуть и просто вместе хохотать
(Это очень важный скилл!),
Или молчать — но вместе,
И чтобы больше — ничего,
И каждый вечер — как вечность.
Хотя сегодня уже суббота,
А мы прилетели во вторник.

Как там сказал поэт?
Море, море,
День чудесный,
Я опять сегодня трезвый!

Ты спросишь: «Почему ты так часто
Упоминаешь хохот?
Только не говори мне, что тебе и правда
По душе весь этот стендап и комеди-клуб!»
Иногда мне и правда нравится кое-какой стендап,
Но дело тут не в несчастных шутниках,
Старающихся уловить нерв аудитории,
Да к тому же на этом подзаработать,
Среди них есть талантливые артисты,
И дай бог им здоровья и толстого кошелька.
Но дело не в них.
Дело в том времени,
Которое мы проводим совместно,
Понимаешь, нам кажется,
Что времени очень много,
Но это не так,
Его меньше с каждой секундой,
И чтобы справиться с тревогой и отчаянием,
Нам хорошо почаще быть с кем-то,

Я говорю это тебе и не знаю,
Кто ты,
Потому что в данный момент
Рядом никого нет.

Нам надо чаще быть вместе,
Чаще смотреть на волны,
Чаще лазить на скалы,
Чаще играть в скрэббл или тикет ту райд,
Чаще ходить в кино, в театр, в филармонию,
В клуб на танцы, куда угодно,
Кроме силовых ведомств и больниц,
Вот туда хотелось бы вообще не ходить,
Но я опять отвлёкся,
А дело в том,
Что нам нужно больше времени на нас,
Больше времени на объятия,
Больше — на поцелуи, нежные касания
Вообще — больше времени на ускользящую нежность,
Больше — на тишину и закат,
Больше — на постоять под спокойным солнцем
Где-то над вулканическим озером,
И чтобы птицы, которые обычно над нами,
В этот раз летали под нами,
Больше времени на хорошее настроение,
И поэтому нам надо смеяться,
Чтобы согреться,
Нам надо хохотать, чтобы
Чувствовать, вот она, жизнь-то наша,
Вот она, прямо тут, сейчас, вот.

Тает чей-то смех, как дымка,
Дышит древний океан,
Только в виде фотоснимка
Остаётся память нам.
Конечно, я могу ошибаться,

К тому же непонятно,
К кому я обращаюсь,
Рядом сейчас никого нет,
Вчера заплатил за электричество,
Завтра пойду к врачу.

Давай поедem на море.
Хотя бы на неделю!
А лучше на целых две.

[20.01.2026]

Что меня вдохновило

Что меня вдохновило?

Я думал о том, что смертен,

О том, что являюсь объектом сплетен,

О том, что после начала войны

Мой новый том застрял в московском издательстве,

И что если бы снова встретились мы,

Кто-то кого-то опять обвинил в предательстве,

И о том, что мой друг умер, меня не простив,

Хотя я не делал ему вреда,

Но если ты спросишь:

«Саша, а ты кому-то когда-то вредил?»

Я буду вынужден (честно) ответить: «Да».

Что меня вдохновляло на каждый текст?

Рок-н-ролл, наркотики, секс,

Прозрачное платье на подруге, когда нам было 17 лет,

Чтение Евангелия, Торы, Корана, Вед, всякий бред,

Меня вдохновляли гласность, ускорение, перестройка

(Я был тогда юный, за попойкой следовала попойка),

Поездка в Крым автостопом в далёком 1990-м,

Год спустя — на Кинбурнскую косу (охуительно сияние

звёзд там,

Но сегодня эти места оккупированы рашистами —

Бывшими коммунистами, нынешними фашистами,

Ты скажешь: «Простая рифма», и я соглашусь,

Но меня вдохновляет, видимо, даже такая гнусь,

Потому что поэт — это не пульт управления с красными

кнопками,

А свидетель своей эпохи (остальные — за скобками)).

И если когда-то ангелы нас приведут на суд,

Многие, безусловно, зассут,

Но даже там, даже упав на колени, я,

Возможно, почувствую

Что-то вроде поэтического вдохновения.

Кажется, это не хорошо и не плохо, суть же —

Такая хуйня вроде наркозависимости,
И если хотя бы кому-то когда-то стало немного лучше,
Значит, не зря автора пёрло эти слова плести.
Верный ответ, скорее всего, должен быть таким —
То, что меня не убило,
Но ранило, оставляя живым, —
Выдохнуло, вдохновило.

[15.08.2022]

Жужжанье муз

- Знаешь, давно было уже намерение тебе сказать,
но как-то... как-то...
- Да? Что? Говори.
- Ну, в общем, ты уж извини, но... но...
- Да? Что?
- Стихи у тебя плохие.
- Это всё?
- Всё.
- Все стихи плохие?
- Да, в общем, все. Хотя...
- Что?
- Про японского лётчика неплохое.
- Про японского лётчика? Это какое?
- У тебя что, много таких?
- Да я вообще не помню ни одного про японского лётчика.
Хоть строчку оттуда напослать.
- Не помню. Там что-то про японского лётчика, как он летит
и не может вернуться назад, а впереди только смерть.
- У меня есть такое стихотворение?
- Есть.
- Интересно.
- А, вот, вспомнились строчки:

*Гудит мотор. На горизонте видно цель.
«Мне никогда уже не повидать Японии», –
Вздыхает лётчик. Жизнь сжимается в прицел,
И океан внизу, как бесконечные раскрытые ладони.*

- Это моё?
- Твоё.
- Уф! Цель — прицел, это у меня такая рифма?
- В данном случае она оправдана.
- Ну, ладно. Значит, про японского лётчика тебе кажется
неплохо получилось. А вот, например, про поезд на
кольцевой линии, помнишь?

- Помню...
- И как?
- Так себе.
- Точно помнишь? Там поезд ходит по кольцевой линии, но машинист уверен, что едет только вперёд, а пассажиры вообще ничего не замечают. И в конце там так:

*Во всех вагонах голубые потолки,
Как небеса из детского конструктора.
Стучат колёса, словно молотки
В руках сторукого кондуктора.*

Помнишь?

- Да.
- И как тебе концовка?
- Так себе. Это напоминает типичные концовки у Шелеповского, не говоря уже о том, что сторукий кондуктор — это перевод с американского, это же Нельсон.
- Я не читал Нельсона, даже не знаю, кто это такой. И кстати, кто такой Шелеповский?
- Твоя проблема еще и в том, что надо больше читать. А у тебя типичный случай: чукча не читатель, чукча писатель.
- Ты, кстати, знаешь, откуда в русскоязычной культуре эти анекдоты про чукчу?
- Знаю.
- Чукчи были безжалостными воинами, они успешно сопротивлялись войскам империи, долбили их в пух и прах в бесконечных снегах, наводя ужас на казаков и их союзников. Война империи с чукчами продолжалась 120 лет.
- Я знаю.
- Образ наивного чукчи в анекдоте — это инверсия непобедимого воина.
- Только не пиши про это стихи.
- Да, была мысль раскрыть эту тему.
- Не надо. Давно надо было тебе это сказать, просто решимости не хватало. Тебе не надо писать стихи.
- Но я не могу без этого!
- Ты можешь. Просто прекрати. Брось это. Будет ломка, но

она пройдёт. В крайнем случае, обратиться за помощью. Тебе помогут.

– Один вопрос.

– Дввай.

– А помнишь, у меня было про двухголового человека?

– Помню.

– Сейчас, как же там...

Налево поглядит — он видит только смерть,

И боль, и разрушения,

Направо поглядит — давай смеяться, петь,

И нет у этой песни завершения.

Я считаю это одним из самых удачных своих...

– Это, увы, не выделяется на общем фоне, к тому же про двухголового человека писала Илана Щорс, и на эту тему было эссе у французского поэта Жюль-Жюль Огля.

– Илана что-с?

– Щорс.

– Что за имя такое?

– Это псевдоним. Это поэтесса из Вологды, жившая в шестисемидесятых.

– Поэтесса? Знаешь, я предпочитаю слово поэтка.

– Не будем спорить о феминитивах. Разговор о другом.

– Хорошо, не будем. Значит, разговор у нас об этом? То есть, грубо говоря, чтобы бросить это всё?

– Да. Мне кажется, у тебя болезненная страсть к сочинительству вторичных стихотворений. Это не принесёт тебе счастья, только разочарование и страдание.

– И поэтому надо прекратить?

– Да. Пока не поздно.

– Спасибо за откровенность.

– Без обид.

– Какие обиды, Муза! Лети и впредь не жужжи.

– И тебе всего самого сладкого.

[3.03.2019]

Возможность восстановиться

Что-то меня поднакрыло, как суп с курём,
Даром что ни журавль, ни синица.
Эй, сестрица, сядем, потрём? Перетрём, сплюнем да
разотрём.

Есть возможность восстановиться?
Охероптин не помог, доктор прописал ебзолван.
Псой Короленко спел: «Здравствуй, я твоя пицца!»
А я сижу как болван, забрёл в какой-то не тот шалман.
Есть возможность восстановиться?

Есть возможность восстановиться
От перелома судьбы?
Есть возможность восстановиться
После вчерашней гульбы?
Есть возможность восстановиться,
Смыться, затаиться и не спалиться?
Круг сжимают симпатичные лица,
Есть возможность восстановиться?

– Проходите, садитесь, как чувствуете себя?
– Мне пипец.
– С пипцом вам следует в другое учреждение обратиться,
Здесь у нас Федеральный центр коррекции разбитых сердец,
А вам в комнату 777, ООО «Тупица».
– Спасибо, но оттуда меня послали сюда,
А перед этим отсюда послали туда,
Так закрутили, можно ведь и убиться,
Я немного тут посижу, чисто отдышусь, сам с собою
переебусь, вы не против?

Есть возможность восстановиться?
Есть возможность восстановиться?
Есть возможность восстановиться?
Есть во... во... во... во...

*Слушайте
аудиовер-
сию из аль-
бома «Лео-
пард»
проекта
«Федоров
Крутого-
лов»*

Что-то заело. Нужен психотерапевт, адвокат, шаман, Шерлок Холмс, литератор масштаба Льва Толстого, двойной, нет, лучше тройной Джек Дэниэлс, спасибо, льда не нужно, нужен социотехнолог, святой, лягушонок Кермит, губка Боб, хотя бы на колёсиках гроб, но нет ничего...

Только тёмная ночь,
Только пуля свистит в тишине,
Невменозный мой конь
Перепрыгнул теплицу,
Ну, а я соскочил,
Я упал и лежу на спине,
Я лежу под кустом конопли,
Надо бы накуриться...

Есть возможность восстановиться
От нарконеzáвисимости?
Есть возможность восстановиться
От пережёванности в зубастой пасти?
Есть возможность восстановиться,
Вознестись, зарегистрироваться и помыться-побриться?
Лёня Фёдоров спел: «Птица я, птица»,
Есть возможность восстановиться?

Что-то я вышел не на той станции, да и я не я,
А наглухо пришибзднутая девица
Плачет, бормочет: «Где вы, мои не бросающие друзья?!»
Есть возможность восстановиться?
Надо восстановить ВНЖ, память, силу мышц,
Потенцию, экзистенцию, билеты Говнюбинск-Ницца,
Надо восстановить тыц-тыдыц-пыц-пыц,
Есть возможность восстановиться?

Я телефончик ваш запишу?
И электронный адрес?
Можно будет в пятницу списаться там, созвониться?

Крутится колесо так называемой сансары,
За спицей мелькает спица.

Есть

Возможность

Восстановиться?

[2023]

Всё кончится

Сил почти не осталось, утром еле встаю с кровати,
Встану — из меня словно сыплется порошок,
Каша в башке какая-то, заваренная на вате,
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо.
Охуевать устал я, время вьётся цветными лентами,
Обречено огню, как там спизднул Бланшо?
Сумку забыл в трамвае, а в ней кошелёк с документами,
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо.

В детстве я ездил на Кинбурн, помню берег морской с
закатом,
Видел, как сохнет дельфин, это, конечно, шок,
Но в наше-то время подлое просто идёт война там,
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо.
Ад, говорят, повсюду, а не только там, где я вырос,
Мол, виновато НАТО, черти и дядя Джо,
Долго планета крутилась, почти что остановилась,
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо.

Всадники апокалипсиса скачут, никак не доскачут,
А смехачи всё смеются, а плакальщицы всё плачут,
Означаемое означается, но значимое не значит,
Куда же нас всех несёт? Всё кончится. Всё.

В сексе есть нечто страшное, связанное со смертью,
Хочешь, воскликни: «Что, бля?!» — или иначе: «Шо?!»
Вместо зарплаты выдали мне душу мою в конверте,
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо...
Так, о чём это я? Лёха! Живём до последнего бздох!
Возле самого синего моря словно в СИЗО свежо.
С утра позвонил Антоха, ему от грибов стало плохо.
Очень хочется верить, что всё кончится хорошо.

Рыцари справедливости пердят на мотороллерах святости,
У врагов полны брюки радости, у приятелей — неприятности,
Наступила эпоха слабости, бежим со мной делать гадости,
Куда же нас всех несёт? Всё кончится. Всё.

Всё кончится хорошо, как учил академик Бомжов.
Всё кончится хорошо, обещал лисе петушок.
Всё кончится хорошо, мы накуримся и поржём!
Всё кончится хорошо, потрогай мой пирожок.
Всё кончится хорошо, вот вам карта глубоких жоп.
Всё кончится хорошо, баклажан Жоре пожарил Жорж.
Всё кончится хорошо, наложу вам полный горшок.
Простите, а Дельфинов ещё не начал? Ну, что ж,
Всё кончится хорошо.
Всё кончится хорошо.
Ну, всё!
Кончилось.

[30.04.2022-7.02.2026]

СОДЕРЖАНИЕ

Неизящная словесность. Предисловие автора	3
N.	25
Красный воробей	25
Из Теодора Крамера	26
I. Дым над Киевом	27
Глупая башка	27
365-е февраля	29
Я ехала домой	31
В Киеве ночь	32
На смерть Тимофея Ануфриева, павшего в боях за Украину	34
Пробел	37
Грузовик с людьми	38
В Москве придумали Холодомор	40
Демон	45
Радио тысячи московских холмов	47
Дым над Киевом	49
II. Смирнов переехал к пингвинам	51
Лето в Латвии	51
Дни рыб алых	54
Помню голубей во дворе	60
Дети в СССР	64
Европа	67
Синдром эмоционального выгорания	69
Смирнов переехал к пингвинам	72
III. Трезвость	74
Змея	74

В районе чудес	76
Поставим на паузу	78
Жена	80
Чёрный крест	82
Сопrotивление при задержании	85
Лемур	88
У меня от тебя зависимость	91
Трезвость	93
IV. Встреча в темноте	95
Марта и Кристина	95
Справедливый суд	98
Право на сон	102
Сергеев был здесь	103
Что случилось с Осей?	104
Лисица повторяет	106
А рядом ты	108
Подходит	109
Вдоль реки	110
Встреча в темноте	111
V. Лорелея	114
Бруклинский мост	114
Жара	116
Ребёнок	117
Дрож	118
Rain	123
Мост	124
Вода	125
Лорелея	126
VI. Back to USSR	127
Ровная жизнь	127
Надо было что-то сказать	129

Группировки	131
Поэт Евгений Евтушенко	134
Беспечные ездоки.....	136
Только не ты.....	141
Чудовищная ошибка.....	144
Back to USSR	145
VII. Возможность восстановиться	146
Маленький трубочист. Из Уильяма Блейка.....	146
Абсолютное спокойствие.....	148
Чем угостить девушек	150
Свобода.....	154
Давай поедem на море.....	156
Что меня вдохновило	158
Жужжанье муз.....	162
Возможность восстановиться.....	165
∞	168
Всё кончится	168

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ
ПТИЦЫ УХОДЯТ

First Edition

This volume was prepared by the author and includes both new and previously published texts selected especially for this edition.

Design and typesetting: Virgola Press

Published in 2026 by Virgola Press, New York

<https://virgolapress.com>

Новая книга **Александра Дельфинова** – берлинского постпанк-поэта, пишущего по-русски, – это ярость и нежность, исповедальность и сарказм, абсурд и трезвость. Эти тексты – не описание, а живая составляющая реальности. Дельфинов пишет так, словно поэзия – последнее, что остаётся, когда всё остальное уже отнято. Язык здесь работает как инструмент прямого действия: против войны, против имперства, за право говорить, когда приказано молчать. Можно начинать читать с любой страницы. На одной из них то, что нужно именно вам.

Александр Дельфинов (род. в 1971 г. в Москве) – поэт, прозаик, перформанс- и спокенворд-артист, журналист. Сооснователь арт-клуба PANDA platforma (Берлин, 2009). Победитель международного Poetry SLAM!Revue в Берлине (2007), международного поэтри-слэм-фестиваля «Slamstival» в Иерусалиме (2016), финалист European Poetry Slam (2020). Стихи переведены на немецкий, английский, испанский, итальянский, финский, французский, греческий, грузинский и иврит. С 2023 года выступает с театрализованным перформансом «Под наблюдением Енота» по роману Артура Соломонова «Натан», собранные средства направлялись на помощь Украине. С 1998 года сотрудничал с различными неправительственными организациями, занимавшимися профилактикой ВИЧ и адвокацией гуманной наркополитики в России, в первую очередь с Фондом им. Андрея Рылькова. Участник проекта #ЯПсих, документального сериала о людях, живущих с психиатрическими диагнозами (Берлин, 2019-2021). В 2024 году вышел антивоенный спокенворд-альбом «Радио "Спектакль"», совместный с музыкантом и саунд-продюсером Евгением Шаповаловым. В 2025 году вышел совместный с Петром Горьевым музыкально-поэтический ИИ-альбом «Песни Последней Волны». Живёт в Берлине с 2001 года. В мае 2025 года признан в РФ «иноагентом».

Bonus Track: слушайте музыкально-поэтический альбом «Песни Последней Волны», созданный людьми под художественным руководством ИИ.

<https://virgolapress.com>

ISBN 978-1-968788-33-9

9 781968 788339